

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 22

1981

Александр
КОВАЛЬЧУК

**С ТРЕМЯ
НЕИЗВЕСТНЫМИ**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Александр КОВАЛЬЧУК

С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

РАССКАЗЫ

*Авторизованный перевод с украинского
Веры БЕЛОВОЙ*

**Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981**

Александр КОВАЛЬЧУК

Александр Владимирович Ковальчук родился в 1924 году. В Великую Отечественную войну был войсковым разведчиком. За успешное выполнение боевых заданий награжден орденами и медалями.

После войны окончил филологический факультет Киевского государственного университета.

На украинском языке вышли его книги: «Рассказы разведчика» (1964), «Нет, не призраки!» (1966), «На гребне войны» (1971), «Ласточка», откликнись!» (1976) и др. Многие рассказы переведены на русский язык и выходили отдельными сборниками в московских издательствах.

Коммунист Александр Ковальчук — член Союза писателей СССР.

КРЕПКО ЗАПОМНИЛОСЬ...

Ракетчики и их командиры были довольны: праздничный вечер вопросов и ответов удался на славу.

Особенно интересно вел беседу худощавый седой профессор с озорными мальчишескими глазами, с тремя рядами орденских планок на груди. Ответив на последний вопрос — о быстрых нейтронах, Александр Никонович Пушкарь положил мел, носовым платком вытер руки и по привычке спросил:

— Еще есть вопросы?

Во втором ряду поднялся ладный, тщательно выбритый сержант.

— Товарищ профессор, расскажите о самом памятном эпизоде из вашей фронтовой биографии. Если это вас, конечно, не затруднит...

— Садитесь, дорогой сержант, — как равный равному сказал Александр Никонович. С минуту он молчал, вероятно, припоминая какие-то подробности, потом быстро заговорил, словно побаивался, что его вдруг перебьют. — Было это тридцать шесть лет тому назад, точнее, в ночь на 23 февраля 1942 года. Четырьмя днями ранее меня, вчерашнего студента-первокурсника, добровольца, зачислили в разведку дивизии. Конечно же, я очень гордился и, как все новички — это вам хорошо известно, — считал себя готовым к любому, самому рискованному заданию. Вообще признаюсь честно: тогда ваш гость принадлежал к категории тех юношей, которые чем меньше знают и умеют, тем более самонадеянны. А излишняя уверенность и поспешность — плохие помощники разведчика! — Александр Никонович вышел на середину сцены, окинул взглядом дальние ряды.

В зале стояла напряженная, чуть звенящая тишина.

— На ночных занятиях вы не раз убеждались, как резко меняются ночью различные предметы, их формы и очертания, их расположение. Предметы, хорошо знакомые вам при солнечном свете, ночью иногда становятся совершенно неузнаваемы... Короче говоря, нужны сноровка, опыт, обширные знания. Так вот, в тот пасмурный февральский вечер над передним краем повисли тяжелые черные тучи. Шел мелкий, но густой-прегустой снег. Разведчики молча попрощались со своим командиром роты, отдали честь капитану-артиллеристу, выбрались из траншеи и скрылись в белой кисее.

На беду, случилось так, что еще на ничейной полосе шальная пуля отыскала командира нашей группы — сержанта Исаева. Нежданно-негаданно! Откуда стреляли — неизвестно, никто не слышал выстрела. Исаев как-то странно ткнулся головою в сугроб, едва приподнялся на локтях, повернул ко мне окровавленное лицо:

— Группу поведешь ты, Пушкарь.

Я хотел было напомнить сержанту, что среди нас есть более опытные разведчики, но он сердито махнул рукой:

— Не теряй времени! Надвигается буран.

Плечистому, веснушчатому костромичу Оконнову я поручил отнести раненого командира в окопчики нашего боевого охранения. А разведгруппа двинулась дальше — туда, где днем синела зубчатая стена старого ельника. Его предстояло обойти с севера и взять «языка» во вражеском пулеметном гнезде на взгорке, метров за четыреста от западной опушки.

В открытом поле группу настиг шквальный ветер, толкнул меня в сугроб. Поднявшись, я увидел, что гребни снежных барханов курятся, словно сопки. Ветер заметался в разные стороны. Разгулялась поземка. Взыбились вихрастые смерчи. Сориентироваться по вспышкам фашистских ракет, по трескотне пулеметов нечего и думать: все окрест окутала такая мгла, что и сверхмощному прожектору не пробить. А обрывки пулеметных очередей доносились то с запада, то с юга, то с севера, а потом их и вовсе заглушило лютое завывание метели.

Стихия словно выжидала, когда горсточка бойцов окажется на ровной местности, и теперь обрушилась на нас клубами колючей снежной пыли, неистовыми смерчами. Подхваченный ветром снегом обжигал лица.

Сколько я ни старался, сколько ни силился, однако не мог узнать ни одного знакомого предмета... «Ничего, сейчас подойдем к ельнику, — подбадривал сам себя, — и определим свое местонахождение. Ведь этот ельник я изучал с помощью бинокля целый день, любое дерево на восточной опушке узнаю. И вообще нечего поддаваться панике. В конце концов Иванов и Ломтиков подскажут, помогут — они же начали войну кадровыми бойцами».

Очередной порыв ветра едва не свалил меня навзничь. Пришлось ссутулиться, присесть. А когда через некоторое время тронулись дальше, я и не заметил, что группа отклонилась на север. Да и разве в таком вихревом пекле что-либо заметишь?

Мы шли, брели, барахтались в снегу, а ельника словно и не существовало на белом свете... И вдруг стало не по себе... От одной мысли, что мы заблудились, что из-за моей беспомощности группа либо замерзнет, либо забредет в плен, меня бросило в жар... — Александр Никонович мельком взглянул на часы и вернулся к трибуне.

— Правда, по компасу можно было определить, где запад, где восток. Но, сами понимаете, в такой ситуации нужна более точная ориентировка... Чтобы как-то скрыть собственную растерянность, я решительно свернул налево, к югу. С каждым шагом становилось все труднее вытаскивать ноги из вязкого снега. Морозище сковывал дыхание, забивался под маскхалат, под ватник, леденил тело. Лицо до крови иссечено крупкой. На бровях и на ресницах — сосульки. Глаза слипаются.

По-птичьи в разные стороны верчу головой, прислушиваюсь: ни пулеметных очередей, ни автоматной пальбы. Только пурга то воеет стаей голодных волков, то хохочет, будто сатана. Вместе с холодом в душу проникает отчаяние... «Почему Исаев, зная о приближении вьюги, доверил группу мне, необученному, беспечному и легкомысленному салажонку?! Безусловно, сержант не знал, что мне все на свете казалось чрезвычайно простым, не требующим ни специальных знаний, ни практических навыков, ни боевого опыта... Вероятно, он подумал: доброволец, студент — значит, парень серьезный, грамотный. Эх, Исаев, Исаев! Ошибся ты в своем выборе... А мне, если выживу, хорошая наука на будущее — не пренебрегать азимутами, а дружить с ними! Как же выпутаться из дурацкого положения, из этой снежной западни?..»

Чтобы никто не отбился во мгле, мы взялись за руки и, выбиваясь из сил, плелись вперед. Куда именно — никто не ведал... Даже бывалые Иванов и Ломтиков. «Иначе они не молчали бы... Наверное, тоже не ориентируются в такой свистопляске? Или целиком доверяют мне, полагаются на мою интуицию? Да, нелегкое это дело — нести ответственность за результат поиска, за жизнь товарищей...»

Я все время думал о том, как сберечь людей и выжить самому, как выполнить задание. В воображении невесть откуда возникла печальная картина: через пару дней, когда наши войска перейдут в наступление, однополчане обнаружат в снегу четыре труп... Глаза широко раскрыты... На безжизненных лицах блестят и уже никогда не растают прозрачные снежинки... Мать честная! А все из-за меня...

От ужаса у меня сжалось сердце. Перестали двигаться пальцы на ногах. Холод был невыносимый! И маскхалат, и фуфайка, и нижнее белье заледенели коробом... От малейшего прикосновения одежды по телу проходит озноб...

Который час? Подношу руку к глазам и каким-то чудом различаю на циферблате стрелки. Половина второго. Значит, артиллеристы капитана Потехина вот-вот должны открыть отвлекающий огонь по развалинам дома лесника. Одна минута, вторая, третья... Почему же молчит наша артиллерия? Не пора? Барахлят мои часы? Как медленно тянется время... Будто всю жизнь в этих заносах барахтаюсь...

Наконец-то! Справа от нас, приблизительно в километре, горным обвалом грохочет артналет. Стало быть, хоть и напетляли мы изрядно, но все-таки очутились неподалеку от ельника. Но где же он? Слева? Прямо?

Внезапно приглушенный грохот слышится слева. До него — дальше, километра два. Что это? Еще раз наши ударили? Зачем? Или немцы? Теперь уже совсем не ясно, куда завела группу непогода. Все равно задание должно быть выполнено!

Едва двигаюсь навстречу пурге. Впереди что-то замаячило. Ближе, ближе... Еще хоть бы несколько метров... Неужели ельник? Он! В пяти метрах от опушки различаю наш ориентир — оципанную ель. Правда, ночью дерево мало похоже на себя. Но это, безусловно, та же ель. И ветви внизу обрублены, и верхушка срезана снарядом. Тут нам следовало дожидаться, когда загремит артналет, и затем ползти к пулеметному гнезду. Немного опоздали... Не беда. Главное — все стало на свои места! От радости я повалил Горбенко в снег, кричу ему в ухо:

— Порядок! Согреемся — и за дело!

Вблизи борются Иванов и Ломтиков. Размялись, согрелись. Иванов бросился к опушке и вдруг, споткнувшись, плашмя рухнул в снег. Мы подбежали.

— Линия связи! — воскликнул Иванов и, выдергивая из сугробов красный двужильный кабель, словно заправский связист, двинулся к ельнику. На опушке остановился и ножом перерезал провод. — Теперь на порыв прибежит связист. А нам только этого и надо!

— Может, немцы отложат ремонт линии до утра? По-моему, завируха их устрасит. — Горбенко достал из-за пазухи кусочек сахара и положил за щеку.

— Ни в коем случае! Связь у них — первое дело. — Иванов рукавом вытер лицо и взглянул на меня. — Каково твое решение, командир?

— Задумка хороша, только надо лучше замаскироваться и глядеть в оба, — ответил я, проверяя запалы в гранатах.

Место для засады подыскали удобное. Прилегли, чтобы малость передохнуть. Клонило ко сну, и я, очевидно, задремал. Проснулся от сильного толчка. Иванов мне в самое ухо шепчет:

— Видишь? Двое!

Осторожно раздвигаю ветки. Почти прямо на нас идут две горбатые фигуры: за плечами — катушки с кабелем. Фриц, который шел первым, обнаружил порыв и крикнул напарнику:

— Hier! ¹

Положив катушки на снег, оба немца склонились над поврежденным кабелем.

¹ Здесь! (нем.)

Тут-то мы и наскочили на них. Фашисты попались заядлые, не из робкого десятка. Кроме того, их силы утроил страх перед неминуемой смертью — ведь геббельсовская пропаганда уверяла солдат вермахта, что русские расстреливают военнопленных... Короче говоря, сопротивлялись они яростно. Однако мы все-таки их скрутили. Правда, во время схватки один из фрицев ухитрился пырнуть Горбенко ножом... Вы же знаете, у связистов тоже есть ножи — ими зачищают кончики кабеля.

Мы оттащили «языков» под ель, разровняли снег на месте рукопашной и решили отдышаться в своем «укрытии». Пока Иванов перевязывал Горбенко бедро, я при свете карманного фонарика просмотрел фрицевские документы.

А немцы лежат смирно, с закрытыми глазами. Это встревожило меня: «Неужто переборщили мы? Ведь они так люто отбивались, а сейчас — ни гу-гу! Как бы не превратились в ледышку...»

Практичный Ломтиков не растерялся — отвинтил крышку-станчик немецкой фляжки, понюхал и обрадовался:

— Ого! Воскресный паек, видать, получили! Натуральный шнапс!

У немцев вынули кляп, согрели шнапсом и решили поскорее уходить из-под гостеприимной ели: а вдруг связистов начнут искать? Да и к своим надо затемно добраться.

Снежком растерли пленным лицо и руки, помогли встать — и айда на восток.

Впереди шел Горбенко. За ним — немцы. Ломтиков, Иванов и я, как говорят, не спускали с них глаз.

Понятно, настроение поднялось. Во-первых, тогда «языков» было не густо. Во-вторых, метель немного поутихла. Лишь изредка ветер швырялся снегом. Кроме того, теперь он налетал только с одной стороны. Это был наш, восточный ветер!

Вскоре в окопчиках боевого охранения нас поздравляли с праздником и с успехом.

Профессор виновато улыбнулся:

— Впереди было еще три с половиной года войны. Железные метели Сталинграда... Курская жара... Днепровская пучина, клокочущая от бомб и снарядов... Огненные этажи рейхстага... Короче говоря, на горьком солдатском пути многое случилось. Но никогда не было мне так страшно, никогда я столько не пережил, как в ту февральскую ночь... Крепко запомнилось!..

ГРОЗНЫ НАШИ «КАТЮШИ»!

Летом сорок третьего года на правом берегу Северского Донца я был ранен и попал в Ольховатский эвакуогоспиталь. Тогда на фронте шли ожесточенные бои, и медики едва успевали принимать раненых.

В ожидании перевязки бойцы, сержанты и офицеры разбрелись по довольно большой территории госпиталя.

Я направился в дальний угол двора. Там, под старым кленом, расположились два солдата. Перед ними в котелке, установленном на двух кирпичках, что-то кипело — из-под крышки валил пар. Мое внимание привлек загорелый, обветренный усач-ефрейтор. Правда, усачом его можно было считать лишь наполовину: правый ус погусарски торчал вверх, а вместо левого — пучок обгоревшей щетины. Медленно подкладывая в огонь сухие щепки, ефрейтор увлеченно рассказывал о «катюшах» своему товарищу — совсем юному бойцу с бесесым пушком на подбородке.

Подстрекаемый любопытством, я расстелил плащ-палатку неподалеку от них, лег и прислушался.

— Героический, ви-и-шь ли, человек! Известен был не только в нашем восемьдесят пятом гвардейском минометном полку. И пехота, и артиллеристы, и танкисты хорошо знали «Капитана «Вперед!» — Усач языком передвинул козью ножку в левый угол рта. — А прозвали так гвардии капитана Виктора Михайловича Новикова совсем не случайно. Ви-и-шь ли, каждую свою речь, постановку задачи либо приказ он всегда заканчивал одними и теми же словами: «Вперед, только вперед!» И это были не просто слова — он, ви-и-шь ли, сам постоянно был устремлен вперед, всегда шел впереди. В каждом деле!

Юный минометчик торопливо помешал варево алюминиевой ложкой и заметил:

— Интересная фигура!

— Сам ты фигура! — Бывалый ефрейтор насмешливо поморщился, и от этого правый ус его почти коснулся глаза. — А Виктор Михайлович был герой! Самый правдашней! И своих бойцов учил доблести ратной. Так и говорил: «На войне все — тяжелая работа и все — подвиг. А подвиг во имя Родины — это прекрасно! Не о себе в бою думай, о воинском долге думай, как его с честью выполнить. Тогда и голова уцелеет, и задачу боевую выполнишь, и слава сама тебя отыщет. Герой умирает один раз на веку, а трус — ежедневно. А потому — вперед, только вперед!»

Усатый ефрейтор швырнул в огонь окуроч, свернул новую козью ножку.

— Ви-и-шь ли, для порядку скажу кое-что о биографии Виктора Михайловича. Нормальная! Родился и вырос в Сибири. Отец работал на железной дороге. После средней школы паренек шуровал слесарем в паровозном депо. Ударником пятилетки был — золотые руки у парня! В тридцать пятом призвали его в Красную Армию. Бил японских самураев на Халхин-Голе. Так их, чертей, колошматил, что орден Монгольской Народной Республики заслужил. Потом, ви-и-шь ли, закончил военную школу. Так что Великую Отечественную войну встретил уже кадровым офицером. Тогда, правда, офицеров еще не

было... Стало быть, командиром. Вот почему в нашем полку доверили этому опытному и надежному человеку необстрелянную молодежь. Как принял, ви-и-шь ли, второй дивизион «катуш», так и командовал им бесценно, до самого смертного часа.

— Неужто погиб? — встрепетулся юный минометчик.

— Да... — вздохнул усач и сделал длинную затяжку. — Недавно... Под Карачевом, на Орловщине... Но сперва о другом скажу. В тот жаркий день, ви-и-шь ли, наш полк поддерживал атаки трех стрелковых дивизий. С фланга на фланг мотались, будто ошалелые. На полную катушку! Батареи второго дивизиона вели огонь с закрытых позиций. К тому времени наша пехота была уже почти на окраине села, в котором засели гитлеровцы. И тут стряслась беда. Фрицы бросили в бой свежий танковый полк. В облаках пыли поперли на наших стрелков фашистские танки. Новиков первым разглядел опасность. Моментально понял: нужно немедленно давать залп целым дивизионом! Но, ви-и-шь ли, с закрытой позиции можно своих зацепить... Мысли — как молнии: «Рискнуть прямой наводкой? А вдруг неудача? Ведь техника-то секретная...» А с начальством, ви-и-шь ли, некогда советоваться: каждая секунда дорога! «Была не была, — решил Новиков. — Всю ответственность беру на себя. Вперед, только вперед!» И сразу же подал команду: «Батареи — в боевые порядки пехоты! Ударим по танкам прямой наводкой!» А о своем решении доложил командиру полка: дескать, выход один...

Между тем на командном пункте корпуса озабоченный генерал словно прирос к стереотрубе. Тягачом не оторвешь! Оно и понятно — плохи дела. Фашистские танки вот-вот начнут давить и кромсать нашу пехоту. И жерла танковых пушек, можно сказать, наведены прямо в душу... От собственного бессилия генерала кинуло в пот. Он выдернул из кармана носовой платок, вытер лоб, глаза и вдруг зычно крикнул:

— А это еще что за номер?!

Из буерака, ви-и-шь ли, наперерез вражеским танкам ринулся... дивизион «катуш». Сам понимаешь — такого на белом свете еще никогда не бывало!

Все, кто находился на командном пункте, оцепенели. Послышались тревожные голоса:

— Что они делают!

— Ведь это же на верную смерть!

— Мальчишка! Легкомыслие!

— Секретнейшую технику под удар...

Генерал поднял руку: дескать, помолчите малость. Еще раз глянул в стереотрубу и тихо сказал:

— Не спешите с выводами.

В ячейку наблюдения вскочил упыхавшийся командир 85-го гвардейской минометного полка майор Васильков.

— Товарищ генерал! — выпалил он. — Командир второго дивизиона открывает по контратакующим гитлеровцам огонь прямой наводкой!

Генерал пристально глянул на Василькова и недовольно буркнул:

— Вижу! Тоже мне новатор объявился!

И снова — к стереотрубе.

А на равнине вот что произошло. Фрицы, ви-и-шь ли, не ожидали от «катюш» такой прыти и на мгновение растерялись. А Новикову только это и надо. Ты представь, что он пережил в те страшные секунды! Ведь нужно было и опередить врага и одним-единственным залпом полностью накрыть цель. Потому как времени на повторный залп не будет... Раздавят, разнесут в крошево!

В стереотрубу генералу было хорошо видно, как Новиков соскочил с подножки головной «катюши», отбежал в сторону и, повернувшись спиной к фашистским танкам, несколько раз, будто заправский дирижер, взмахнул руками. Потом сорвал с головы пилотку, резко опустил руку и упал наземь.

Над распластанным капитаном взмыли огненные хвосты. Из густи танков к небу взметнулась сплошная стена пламени. Ох, и вышел концерт — взаправдашнее пекло! Грохот докатился до командного пункта.

— Грозны наши «катюши»! Такому залпу можно только позавидовать! — Довольный генерал повернулся к Василькову. — Командира второго дивизиона ко мне!

Минут через двадцать на командном пункте появился капитан Новиков. Сапоги, брюки, гимнастерка — все в глине. Даже в темных слипшихся волосах и густых бровях комки землицы-матушки. Но ордена Красного Знамени и Монгольской Народной Республики блестят по-прежнему...

— Товарищ генерал, разрешите...

Командир корпуса прервал доклад:

— Почему самовольно выехали на прямую наводку?

— Не было времени, чтобы согласовать...

— По какому праву рисковали жизнью и секретным оружием?

— Я спасал и нашу пехоту и секретное оружие, — твердо ответил побледневший Новиков. — Передние колеса — в ложбинку. И — «Огонь!» Цель поражена. В дивизионе потерь нет. Считаю, что долг коммуниста и командира мною выполнен.

— Хорошо, что так обошлось. — Генерал не мог сдержать улыбки. — Молодец! Давай познакомимся.

Пожимая крепкую, жилистую руку минометчика, генерал добавил:

— Представить гвардии капитана Новикова к боевой награде. Подпишу сейчас же!

Усатый рассказчик закрыл глаза, будто силился что-то припомнить, и тихо произнес:

— После этого залпа наши «катюши» еще несколько раз вели по фашистским танкам огонь прямой наводкой, но, ви-и-шь ли, первым такой залп дал новиковский дивизион. А вскоре капитана Новикова не стало... Такие, ви-и-шь ли, рождаются раз в сто лет, чтобы показать остальным, как надо жить и бороться...

Вода в котелке давно выкипела, картошка обуглилась.

Оба гвардейских минометчика, низко склонив головы, ничего не замечали.

А у меня перед глазами стоял живой, разгоряченный боем Новиков. Красное лицо обветрено. На лбу и под глазами следы копоты. От левого виска по щеке стекает черная струйка пота. Гимнастерка и сапоги в суглинке. Вот капитан сорвал вылинявшую пилотку. Сейчас он подаст команду: «Огонь!» И таким навсегда останется в цепкой солдатской памяти...

НЕ ГОРБОМ

На опушке угрюмого леса разведчики обнаружили грузовой «оппель». Бывший тракторист Щербаков, внимательно осмотрев находку, сказал своим товарищам:

— Хорошая машина. И не заминирована. Видать, фашисты в панике бросили.

— А чего они так испугались? — спросил командир разведгруппы старший сержант Сорокин и, окинув взглядом опушку леса, ничего подозрительного не обнаружил. — Непонятно, почему они оставили в кузове новое обмундирование?

— Эх, сестренки-шестеренки! — заправив под капюшон курчавую цыганскую прядь, воскликнул Щербаков. — Какая разница? В такой обстановке, когда фриц драпанул и, можно сказать, исчез, исправная машина — наипервейшее дело.

— Конечно, — согласился Сорокин. И, припомнив изречение старшины Татьянина, что разведчик без локтевого контакта с противником — ноль без палочки, приказал: — В машину, братва!

И вскоре послушный «оппель» выехал на проселочную дорогу, по обе стороны которой раскинулась заболоченная низина.

Справа из пожелтевшей осоки торчало крыло «мессершмитта» с черным крестом. Немного дальше, на чахлом ольшанике, висел ярко-зеленый парашют.

Слева зияли огромные черные воронки.

С запада навстречу разведчикам плыл покрытый первой позолотой смешанный лес. Открыв дверцу, Щербаков предупредил:

— Будьте внимательны. Здесь могут повстречаться немцы!

Между придорожных кустов, слегка тронутых осенним багрянцем, валялись пустые консервные банки, окурки немецких сигарет и обрывки пергамента.

Лес миновали без приключений. И теперь по черному, перепаханному тяжелыми бомбами полю «оппель» мчался к реке Суле. Кругом валялась брошенная фашистская техника. Опрокинутые орудия. Танки без башен и гусениц, с пробитыми бортами. Искореженные пятнистые бронетранспортеры. Сорванные со штабных машин будки... Сильной взрывной волной так потрянуло шестиствольный миномет, что теперь, изуродованный, он напоминал огромный цветок причудливой формы.

— Поработали наши бомбардировщики на славу, — остановив машину, с улыбкой сказал Щербаков. — Такую авиацию нам бы в сорок первом! Все было бы иначе... Эх, сестренки-шестеренки! Какие уже тогда могли бы у нас быть и «илы» и «яки»! Вдоволь, сколько надо! Ведь могли...

— Не могли! — с какой-то горькой злостью отрубил Сорокин. — Потому и не было.

Оба умолкли: сердце разведчиков сжалось при одном воспоминании о сорок первом...

— Эх, сестренки-шестеренки! — После минутного молчания Щербаков вздохнул и достал портсигар. — Давай-ка лучше закурим.

Задымили козы ножки. Щербаков с наслаждением затаился и, глядя на запад, проговорил:

— Вот о чем я думаю... Неизвестность хуже всего! Возможно, придется вступать в открытый бой... За любым леском можно нарваться на роту или батальон врага... Поэтому, считаю, надо усилить наблюдение. И хорошо вооружиться! Хотя бы трофейный пулемет с лентами прихватить и установить его в кузове.

— А против танков и пушка не помеха. Кстати, вон там, в болоте, — Сорокин вытянул руку вперед, — семидесятимиллиметровка застряла. Кажется, цела.

— Жаль, не вытащим. Крепко засела. Подожди! — Щербаков прислушался. Насторожился и Сорокин.

— С востока идет танк! — обрадованно заявил Щербаков. — По звуку — «тридцатьчетверка».

— При таких обстоятельствах «тридцатьчетверка» может оказать ся «тигром». Гранаты — к бою!

Наступила тишина. Мерный рокот мотора все усиливался. Не прошло и десяти минут, как забрызганная рыжеватой грязью «тридцатьчетверка» осторожно подползла к разведчикам.

Откинулась толстая крышка, из башенного люка вылез чумазый танкист.

— Гвардии старший лейтенант Рубашов,— представился он.— С кем имею честь?

— Старший сержант Сорокин, командир дивизионной разведгруппы.

— Значит, оседлали трофейного «опеля». — Танкист одобрительно прищелкнул языком.

— Так точно! — Сорокин положил руку на капот.— Просьба есть к вам, товарищ старший лейтенант. Помогите вытащить из болота пушку. Очень нужна!

— Кто может разведчикам отказать? Тем более, если в том есть нужда. Цепляй, ребята, трос! — дал команду гвардии старший лейтенант Рубашов.

Долго алела на западе вечерняя заря. Сначала горизонт словно залила раскаленная лава, затем запылало не то зарево от марتنенов, не то багряные отблески пожаров, добрая половина неба сейчас охвачена ярким пламенем.

На какое-то мгновение командиру саперной роты обер-лейтенанту Глюку показалось, что на западе полыхают до боли знакомые деревья... Ему вспомнился родной Дортмунд. Отец обер-лейтенанта служил управляющим в старинном баронском имении, расположенном в двадцати километрах от города. По склону холма к реке спускался небольшой парк, где росли трехсотлетние липы, дубы, платаны, буки. На ветру листья могучих исполинов трепетали красными отблесками. Их так и называли — кровавые буки. Все это казалось теперь таким далеким и безвозвратным...

С начала второй мировой войны пивоваренные заводы Дортмунда производили восемь сортов всемирно известного напитка. Под легким хмельком Глюк-старший то и дело твердил, что никто из его предков до десятого колена не припомнит, когда был основан Дортмунд, как и никто из живущих никогда не увидит последних дней этого города... «Дай бог, чтоб отец не ошибся,— с грустью подумал обер-лейтенант.— Американские и английские бомбардировщики каждую ночь сбрасывают на город не меньше чем пятьсот бомб... Что тут уцелеет?..»

Глюк еще раз тоскливо посмотрел на пылающий горизонт, затем, обернувшись, окинул взглядом мост.

Пехотная дивизия генерала Ленкерау все еще переправлялась через Сулу. По мосту неторопливо ехали крытые санитарные машины, группами и поодиночке ковыляли жалкие солдаты, обросшие грязной щетиной. Командир дивизии приказал Глюку ждать прибытия дивизионного артполка, чтобы помочь артиллеристам переправиться на западный берег. Но до сих пор к реке еще не подошла ни одна пушка. «Досталось нашим артиллеристам под той трижды проклятой Полтавой,— подумал Глюк.— Русские штурмовики их били, танки

давили, реактивные минометы — адские «катюши» — жгли. А вчера эта ужасная бомбардировка... Может, никого из батарейцев не осталось в живых... Скорее всего я здесь напрасно теряю время. А оборонительных работ очень много... Не знаю, когда и управлюсь...»

Обер-лейтенант Глюк решительно подошел к телефонисту, взял трубку и дважды подул в микрофон:

— «Астра», говорит «Виадук». Думаю, что я зря жду артиллеристов. Вряд ли кто из них прибудет.

— Подождите еще четверть часа, — послышался в трубке голос гауптмана Велинга, адъютанта командира дивизии. — Затем немедленно взрывайте мост. Это приказ генерала Ленкерау. Вам все понятно, «Виадук»?

— Яволь!

Напоминание о приказе самого генерала приятно щекотало честолюбие усердствующего Глюка. Он подошел к мосту, еще раз проверил, как вставлены детонаторы. Все в порядке: его минеры отлично знали свое дело. Двужильный кабель от электродетонаторов тянулся вдоль ферм. На правом берегу Сулы под старой дуплистой вербой саперы заблаговременно оборудовали блиндаж. Дежурный унтер-офицер по первому сигналу Глюка повернет ручку специальной подрывной машинки. И — моста как не бывало! Вот только ждать надоело.

С левобережья едва слышно донеслось гудение русских танков. «Конечно, они сразу попрут на мост. Выбрать бы подходящий момент и устроить им предсмертный фейерверк. Грандиозное зрелище! Нет, слишком рискованно. Небольшая ошибка может сейчас выйти боком. Если русские танки прорвутся через мост, беды не оберешься!» Из нагрудного кармана Глюк достал сигарету, щелкнул зажигалкой.

Солнце уже скрылось за горизонтом. В ранних сумерках к восточной опоре моста, слегка прихрамывая, подошли два раненых пехотинца. Один из них, долговязый, словно жердь, без пилотки, оперся на поручни. Его спутник, судя по акценту, — баварец, с марлевой повязкой на голове, отвинтил крышку фляги, протянул ее однополчанину.

— Подкрепись, Арнхельд. Еще далековато шагать.

— Не задерживайтесь, проходите! — властно прикрикнул Глюк и невольно посмотрел на молчаливый, окутанный сумерками левый берег. Кругом такая необычная, удивительная тишина. Тревожно шепчется желтеющий камыш. Откуда-то издалека доносится рокот моторов советских танков. Среди приглушенного гула Глюк различил дребезжание грузовой автомашины. У прибрежного ивняка дважды зажглись синие подфарники. Заскрипели рессоры, что-то звякнуло. Теперь Глюк уже отчетливо видел, что к реке торопится грузовой «оппель» с пушкой на прицепе. Пятеро солдат крепко вцепились руками в борт. Офицер в плаще-дождевике неистово размахивал фуражкой.

— Айн момент! — горланил он изо всех сил. — Айн момент!

«Так это ж наши артиллеристы! Наверное, снарядов нет, вот и спасаются, бедняги, от советских танков, — мелькнуло в голове Глюка. — Один даже без мундира, в нижней рубашке, — посочувствовал он. — Видно, русские совсем близко».

И словно в подтверждение его мыслям, за ивняком с ходу открыл огонь советский танк. Снаряд залихватски просвистел над головой обер-лейтенанта и с каким-то вибрирующим стоном разорвался на косогоре. Комки земли долетели до Глюка.

— Быстрее! Сейчас взрываем мост! — крикнул он.

Когда «оппель» с пушкой миновал настил, обер-лейтенант подал команду: «В укрытие!» — и бросился к блиндажу. Вслед ему затрещали сразу несколько автоматов. От сильного толчка в спину Глюк упал. Ничего не понимая, он из последних сил приподнялся и увидел, как офицер-артиллерист в дождевике перерезал финским ножом электрокабель у ближней фермы. Затем он выстрелил из ракетницы, и в ночном небе ярко вспыхнули две зеленые звездочки. Одновременно в сознании Глюка промелькнула страшная мысль: «Русские!» Он хотел крикнуть, предупредить своих саперов, но губы не пошевелились.

— Быстрее, братцы, быстрее! — громко командовал Сорокин. — Как можно дальше от моста!

Разведчики отцепили трофейную пушку и у ивняка развернули ее на запад.

Из дзота, темневшего на холме, по ним ударил фашистский пулемет. Слева взахлеб застрочил другой. Немного дальше отозвался третий. По стволу и щиту забарабанили пули. После удара о крупновскую сталь они сплющивались и рикошетировали с неприятным шипением. Как это ни странно, но необстрелянный орудийный расчет не растерялся. Три разведчика дружно бросились к «оппелю». Откинув задний борт, они сняли ящики со снарядами и, полуогнувшись, побежали к орудью. Энергичный Летяга послал в казенник снаряд. Звякнул затвор.

«Давай, Володька, — Сорокин быстро крутил маховик и подбадривал себя, — покажи, чему ты научился у знатного артиллерийского снайпера Даниила Крутя!»

— Огонь! — Он дернул за шнур и отскочил в сторону.

Вражеский дзот скрылся за столбом огня и чернозема. «Недолет. Метров двадцать... — на глаз прикинул Сорокин. — Надо стрелять на том же прицеле». Он снова дернул за шнур.

Когда развеялся дым, на старшего сержанта подслеповато смотрела лишь черная цель амбразуры — вражеский пулемет был уничтожен. Радость овладела Сорокиным, и он изо всех сил крикнул:

— Заряжай!

— Танки справа! — почти в то же мгновение предупредил Макаров.

Сорокин повернулся туда, куда указывал боец, и невольно вздрогнул: метров за двести из глубокой аппарели неуклюже выползал «королевский тигр». Заданный вверх ствол орудия выровнялся, и теперь грозное жерло было направлено прямо в старшего сержанта. От скрежета вражеских траков Сорокин ощутил в груди холодную пустоту, почувствовал, как что-то перевернулось под сердцем, и сжал зубы...

Из траншеи, опоясывавшей лысую высотку, первым выполз немецкий офицер. За ним — около взвода солдат. Фашисты быстро разгадали, что перед ними всего-навсего горсточка смельчаков, и решили во что бы то ни стало расправиться с незваными гостями.

— Летяга, заряжай! — все так же спокойно приказал Сорокин. — Гранаты — к бою!

Орудийный ствол быстро откатился назад, но выстрела никто из разведчиков не услышал: все звуки заглушил мощный раскатистый грохот. По обе стороны неповрежденного моста, взметая в небо высокие водяные фонтаны, рвались снаряды немецкой дальнобойной артиллерии.

Внимание Сорокина привлек пылающий танк. Из открытых люков выпрыгивали охваченные пламенем танкисты. В отчаянии они катались по земле, пытаясь сбить огонь.

А через мост, лязгая гусеницами, переправлялись долгожданные «тридцатьчетверки». Бригада полковника Тарасова приняла боевой порядок и ринулась на врага, уничтожая пулеметные гнезда, круша блиндажи, подминая под себя орудия и пулеметы.

Последним по расшатанному настилу прогрохотал камуфлированный бронетранспортер с зенитной установкой. Он объехал грузовой «оппель» и остановился посреди дороги. Заместитель командира бригады по политчасти майор Холодко — седеющий брюнет с обгоревшими усами — по-юношески легко спрыгнул на землю и подбежал к трофейной семидесятимиллиметровой пушке.

— Спасибо! — Обнял он грязного, взволнованного Сорокина. — Предупредил меня Рубашов. Смотрите, говорит, не раздавите наших разведчиков. Они на трофейном «оппеле», с трофейной пушкой, в трофейном обмундировании... Ей-ей, молодцы. Я доложу об этом вашему начальству!

— И вам, товарищ майор, спасибо на добром слове. — Сорокин коснулся рукой пилотки. — Пожалуйста, передайте наше солдатское «спасибо» старшему лейтенанту Рубашову. Ведь это его танкисты вытащили пушку из болота. А все остальное, как говорили мои однокашники-аспиранты, сделано по науке... Правда, колени тряслись... Очень легко можно взлететь на... какую-нибудь тучу! Да и «тигр» страха нагнал — выполз будто из-под земли.

— Ничего, все обошлось! Потому как действовали не горбом, а разумом! — Майор Холодко ласково оглядел каждого разведчика. —

Только форму эту снимите, чтобы кто-нибудь из наших... Понятно? Ну, счастья вам, храбрецы! Рад буду обнять вас, живых и здоровых, в Киеве! А еще крепче — в Берлине!

В МЕТЕЛЬ

Над замерзшим прудом, протянувшимся по нейтральной полосе на полтора километра, кружились и плясали белые вихри. Петля между заиндевевшими прибрежными вербами, поземка взбиралась по косоугру вверх, ныряла в окоп и больно секла лица двух бойцов мелкой ледяной крупкой. В белых маскахалатах, с припорошенными снегом бровями, Валентин Грицота и Сергей Фролов, словно близнецы, походили друг на друга.

С каждым порывом ветра мороз, казалось, усиливался. Озябший Грицота присел на корточки и, стянув зубами вязаную перчатку, подул на непослушные пальцы.

— Холодина собачья, да еще буран, — проворчал он.

— Мрачный ты человек! — взглянул на друга Фролов. — Непогода на нас воюет. Нынешней ночью можно будет к фрицам наведаться за «языком».

— Зря ты радуешься, — хмыкнул Грицота. — Через полчаса эта снеговерьт уляжется, потому как шпили вихрей почти вертикальные. В нашем селе на Винничине такой же пруд... Так я эти штучки-дрючки хорошо усвоил. В народе говорят: «Как снег пойдет да как ляжет, так лето мужику про жнитво скажет!» Народные приметы и для нашего брата, разведчика, полезны. Слышишь, лед трещит? Значит, мороз не сдастся. Но на время метель утихнет... Перекурим?

— Сверни и мне сигарку, — попросил Фролов. — Боюсь отвлечься. Как бы чего не проворонить...

Грицота набил махрой козью ножку, прикурил и подал товарищу. Фролов затянулся, с наслаждением крякнул.

— И впрямь ветер ослабевает. — Он выпустил из ноздрей две струйки дыма. — Как ни свирепела метель, а воронья с самой высокой вербы не согнала. Сидят себе на верхушке дерева, и кажется, будто кто облепил вербу комьями грязи.

— Поломала война судьбы, — как-то по-особому горько сказал Грицота.

— К чему это ты?

— А к тому, что вот в тебе, например, живет художник. Глаз острый и точный. В художественный институт бы тебе... — Он глубоко вздохнул. — А пришлось сразу после десятилетки... вместо кисти — автомат...

— Не смейся! — Сергей сделал последнюю затяжку и аккуратно погасил окурочек. — Какой из меня художник?.. Я в биологи метил. Не было для меня большей радости, чем бродить с батей по лесам да к повадкам зверья присматриваться. А о воронах я сказал вот к чему... Если они на верхушку дерева садятся — быть морозу. Тоже примета.

Где-то далеко, в глубине фашистской обороны, глухо ухнула тяжелая пушка. Грицюта моментально вскочил: он безошибочно засекал на слух вражеские огневые точки. Видно, не зря ротный старшина Татьяна часто повторял, что Грицюта — единственный на всем советско-германском фронте человек, который слышит, как в Амазонке волна плещет.

Из катящегося по льду снежного кома устремился в небо багрово-черный столб пламени, а у его подножия мгновенно округлилась огромная полынья.

— Сразу фугасным? — недоуменно закусил нижнюю губу Фролов. — Выходит, пруд у них давно пристрелян.

— Конечно, бьет из-за Демьяновки, — согласился с ним Грицюта и зачем-то стал протирать носовым платком окуляры бинокля. — Глянуть бы на карту и заметить, где эта пушка укрылась...

Его размышления прервал отдаленный батарейный залп. Теперь и Фролов по звуку определил, что огневые позиции немецкой батареи где-то близ Демьяновки, скорее всего в ложбине за кладбищем.

У самого вражеского берега крупнокалиберные снаряды пробивали лед в четырех местах, и образовались полыньи с зубчатыми зелено-голубыми краями.

— Видать, гитлеровцам захотелось рыбкой полакомиться, — шутя сказал Фролов. — В мирное время вокруг прорубей заядлые рыбаки копошатся. Помню, зимой батя часто ходил с удочками на Москвуреку. Хорошо клевало!

— Боюсь, как бы нас не клюнуло, а то будет дело под Полтавой, — волнуясь, заметил Грицюта.

За Демьяновкой раздался второй залп. Через восемнадцать секунд вздыбился лед и у нашего берега. Четыре воронки вытянулись ровно, как под шнурок. В них тихо плескалась темно-бурая вода.

— Ого! — воскликнул Фролов. — Теперь гитлеровцы и о нас позаботились. Пускай, мол, рус-иван тоже свежей рыбкой отведаст. Понимают, черти, что душистая уха с перчиком повкуснее перловой «шрапнели»... — Он помолчал и уже совершенно серьезно произнес: — А вообще воюют немцы с головой. И напрасно кое-кто рисовал их на карикатурах или в лекциях этакими недоумками, форменными идиотами. Нет, этот враг пострашней всех предыдущих, за всю нашу историю!

— Согласен. Ума у фрицев хватает. Да не туда он направлен. Престу... — Грицюта хотел еще что-то сказать, но споткнулся на полуслове.

Несколькими залпами беглого огня немецкая батарея разнесла плотину. В проломы хлынула вода.

— Этак вся рыба с водой уйдет,— разочарованно произнес москвич.

— Слушай, Сергей! — Грицюта схватил приятеля за локоть.— Гитлеровские басурманы что-то задумали... Зачем им понадобился этот «треугольник»?

— Погоди,— сказал Фролов,— я запишу в журнал наблюдения. А потом подумаем... — Он взглянул на часы, быстро написал несколько строк, спрятал журнал в нишу.— Ну, Валентин, первое слово тебе. Что, по-твоему, затеяли фрицы? Готовятся к контр наступлению? Испытывают лед на прочность, чтоб пустить танки?

Разведчики о чем-то долго разговаривали, а вновь усилившийся ветер подхватывал их слова, рвал на куски и разносил по белой равнине.

Когда Грицюта и Фролов, заснеженные, протиснулись в узкую дверь землянки, лейтенант Добриченко отложил в сторону недописанную открытку, Пушкарь спрятал в карман какой-то чертеж, а Сомов и Летяга освободили место возле чугунной печурки-временки.

Разведчики быстро сняли маскхалаты, ватные фуфайки, стянули валенки. Аккуратный Грицюта поправил прическу, благодарно кивнул кашевару Чурбакову и подвинул к себе котелок с горячей лапшой. Его напарник не торопился.

Догадливый Сомов открыл флягу.

— Опрокиньте по сто граммов. С мороза не повредит!

Выпили по-разному: Фролов — залпом, Грицюта — маленькими глотками. Ели дружно — котелки быстро опорожнили.

— Теперь. Грицюта, докладывай! — сказал Добриченко.

Валентин хотел было подняться, но командир роты привычным жестом разрешил ему говорить сидя.

— Сперва ничего интересного. Как всегда, время от времени постреливали вражеские пулеметы. А вот около часу тому назад артиллерийская батарея из района Демьяновки обстреляла пруд. Несколько снарядов пробили лед у вражеского переднего края, второй залп лег возле нашего. Потом гитлеровцы огнем артдивизиона разнесли плотину. Подозрительный артналет! Как пить дать, фрицы что-то задумали, а что именно — трудно сказать...

— Интересно! — Добриченко выдернул из полевой сумки карту-километровку.— Давайте вместе прикинем что к чему...

Даже в самых сложных ситуациях Добриченко всегда внимательно выслушивал каждого разведчика, следил за логикой его суждений, взвешивал все рациональное и только после этого принимал решение. И теперь, окинув бойцов пристальным вопросительным взглядом, он негромко сказал:

— Слушаю тебя, Летяга.

— По-моему, товарищ гвардии лейтенант, в ясную погоду кто-то неосторожно высунул нос из окопчика нашего боевого охранения, а сегодня фрицы решили дать ему по шапке, чтобы не был таким лопухом.

— Сомневаюсь. Для этого не надо лупить фугасными снарядами, — сказал Добриченко и взглянул на Сомова. — А ты что думаешь, Федотыч?..

— Думаю, — медленно и глухо начал разговорчивый сибиряк, — этим артналетом фашисты хотели попросту дезориентировать нас. А сами тем временем в другом месте переправили через линию фронта своих разведчиков. Короче говоря, надо следить в четыре глаза. — Он помолчал и добавил: — А фугасами ударили для большего эффекта...

— Ну-ка, что скажет в таком случае новейшая техника и физика? — Добриченко повернулся к ротному комсоргу, который до войны был победителем двух республиканских олимпиад юных техников.

— Коль вы без подначки, товарищ лейтенант... — Пушкарь умолк, потом стал размышлять вслух: — С точки зрения физики выходит кое-что заслуживающее внимания... Если плотина разрушена — вода схлынет, а холодный воздух через пробойны заполнит пространство подо льдом. За несколько часов дно пруда подмерзнет.

— Правильно! — воскликнул Грицюта. — Помню, в нашем селе как-то зимою спустили пруд. Так мы, малые пацаны, лазили под лед и там играли в жмурки. Как пить дать! Было, было такое...

— Выходит, — рассудительно сказал Сомов, — можно скрытно и безопасно, подо льдом, переправить через нейтралку нашу разведгруппу.

— А по-моему, — возразил ему Пушкарь, — целесообразно устроить засаду... И подкараулить «гостей» здесь, на нашем берегу. Конечно же, у каждой проруби.

— Это уже ближе к истине, — одобрительно кивнул Добриченко. — Когда-то очень мудро сказал гоголевский Пацюк... Помните?.. «Не надо так далеко искать черта тому, у кого черт за плечами». Поэтому, Пушкарь, набирай добровольцев!

— Товарищ гвардии лейтенант! — произнес Фролов и начал спешно обуваться. — Разрешите и нам с Грицютой! Ведь от нас же клубочек пошел распутываться. Негоже нам в стороне прохлаждаться!

— Это, как говорят дипломаты, полномочие сержанта Пушкаря. Твердо знаю, что прежде всего ему надо завербовать Сомова. В принципе против тебя и Грицюты не возражаю. Только хорошенько отдохните. Разведчик должен спешить... медленно.

Ночью метель не прекратилась. Над ледовым панцирем пруда катились белые валы. Сперва разведчики, залегшие у прорубей возле нашего берега, казались снежными холмиками. Потом снегу намело — холмики превратились в сугробы, и на их гребнях задымилась снежная пыль.

Изредка Пушкарь поднимал голову и, закрывая лицо рукавицей, косился то на Фролова, то на Грицюту. Винничанин лежал неподвижно. «По логике все верно, — еще раз пытался проанализировать ситуацию сержант. — Тактическое преимущество в том и состоит, чтобы удивить, обескуражить, ошарашить врага, поднести ему такую пиллюлю, которой он не ждал, даже не мог предположить... А возможно, фашисты задумали бить с толку — ведь Сомов же неспроста высказал такое предположение... Неужто я ошибся? Но ведь и командир роты согласен со мною. Его на мякине не проведешь! А с другой стороны, и Добриченко мог ошибиться... Ну что ж, в такую непогоду за врагом тем более надо следить... Еще внимательнее, чем когда-либо! Только напрасно я согласился взять на ночное задание Фролова и Грицюту — они еще утром до самых костей промерзли... И отказать неудобно».

Над немецким передним краем вспыхнули ракеты. Слева застрожил ручной пулемет. И снова только завывание ветра. «Хорошо, что иверх фуфаяк надели полушубки, а то в мороз да еще на таком ветру и окочуриться можно... — Пушкарь подполз к проруби, заглянул в черную глубь. — Черта лысого увидишь или услышишь... Разве что Грицюта выручит, — решил про себя сержант и попятился на свое место, поближе к Грицюте. Он подумал, что теперь Фролов, Иванчук, Макаров и Летяга, очевидно, всю бранят его за эту затею. Только Сомов, наверное, воздерживается: сибирской закалки парнище! Ничего, — подбадривал сам себя Пушкарь, — как говорит старшина Татьяна, терпение — фундамент разведки».

Сержанту мучительно захотелось спать: глаза сами закрывались, вой бурана постепенно удалялся... Вдруг Грицюта сильно толкнул его в бок: все тело сжалось, будто пружина. Пушкарь взглянул на винничанина — ближний сугроб медленно пополз к проруби. Зашевелились и остальные разведчики. И снова замерли.

Из полыньи показался белый ком — вроде бы голова снеговика. Немец осмотрелся, рука с синим глазком фонарика метнулась под лед. Фашист подтянулся на руках, вылез на поверхность и сел, прислоняясь спиной к белому бархану. Он тяжело дышал и все время сплевывал. Тем временем из других прорубей вылезли еще три снеговика в маскхалатах. Вероятно, подо льдом не хватало воздуха — они почти задохнулись.

«Вражеские разведчики! С ними шутки плохи... Быстрей!» — подумал Пушкарь и бросился на немца, который первым оказался на льду. За ним бросились остальные бойцы.

Наши и немцы мгновенно сплелись в один клубок: «гости» попались крепкие, бывалые, на «ты» с джиу-джитсу и самбо. Но внезапность нападения и численный перевес — солидные козыри. Через несколько минут трое фашистов были связаны. Только Летяге не повезло. Шестипудовый верзила-гитлеровец вырвался, под-

сечкой свалил в снег, замахнулся ножом. Неизвестно, чем закончился бы этот поединок, если бы не своевременная помощь Сомова...

Какое-то время разведчики выжидали, не появятся ли еще «гости». Но никого...

Когда наконец все успокоилось, Пушкарь подсел к Летяге и спросил:

— Как самочувствие? Этот Гаргантюа, кажется, все-таки задел тебя ножом?

— Самую малость, сержант. Пустычная царапина.

— Идти сможешь?

— Даже фрица на руках донесу!

— Тогда порядок! А я вот немного переборщил. Придется на себе тащить унтер-офицера: без сознания... Эй, братцы! — В голосе Пушкаря звучала нескрываемая радость. — Развяжите этим затейникам ноги. Мечтали маршировать «Nach Osten!»¹ — пусть шагают на восток своим ходом. Только берегите их пуще глаза, чтобы ни один волосок с головы не упал. — Сержант обнял Фролова и Грицоту так сильно, что они стукнулись лбами. — Вот удача! Что и говорить, нашему брату этак фортуна улыбается лишь раз на веку — сразу четверо вражеских разведчиков!..

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Сквозь густую зелень сомкнутых крон просочились первые утренние лучи, и у старшего сержанта Владимира Сорокина возникло такое ощущение, будто сверху на землю сеется невесомый розовый дождь.

Лес проснулся. По стволам деревьев засновали вверх-вниз шустрые поползны. Откуда-то прилетел дятел, отстукал по раскошейся коре морзянку, по-птичьи хохотнул и скрылся.

В лежничнике зашуршала плащ-палатка, из-за ближнего куста выглянуло заспанное лицо восемнадцатилетнего Сергея Вернидуба. Рабочий парень из Краматорска пришел в дивизионную разведку уже давно, однако только четыре дня тому назад Сорокин согласился испытать его «в деле». Вполне понятно, что Сергей боготворил своего первого командира группы и сейчас — благо Сорокин не замечал этого — тайком любовался им.

На сочном зеленом фоне рослый разведчик с огромными карими глазами, тонкими, почти девичьими чертами лица и впрямь был красив.

¹ На восток! (нем.).

— Ох и сохнут же по вас девчата, товарищ гвардии старший сержант! — ни с того ни с сего выпалил Вернидуб.

— Какие еще девчата? — зло буркнул Сорокин: сам того не ведая, новичок будто ножом полоснул его по сердцу.

— Ну вообще... Перед таким парнем наипервейшая девушка не устоит...

— Замолчи! — В глазах Сорокина опять сверкнули гневные искорки, но в тот же миг старший сержант понял, что Вернидуб ни в чем не виновен. — Ты, Сергей, очевидно, не знаешь... Во время блокады Ленинграда умерла моя невеста... От голода... Работала в госпитале. Делилась хлебным пайком с бойцами...

Вернидуб силится открыть рот, но все слова казались ему неуместными, и он вдруг по-мальчишечьи горестно всхлипнул.

— Вот тебе и на! А еще запорожский казак! — Сорокин с нарочитой грубоватостью толкнул товарища плечом. — Я в начале войны тоже слабавот был на слезу. А потом, видно, и слезы запеклись. Короче, наш брат нервами дорожить обязан. И, пожалуйста, впредь обходи этот квадрат в разговорах с Иванчуком и Летягой... Чтобы не задеть живые раны! — Сорокин скорбно помолчал и сказал уже совершенно иным тоном: — Ладно. Давай сообща кое-что, как говорят у вас на Украине, обмиркуем. Запомни раз и навсегда: главное в нашем деле — видеть и думать. Как по-твоему, за три дня поиска наша группа имела возможность захватить «языка»?

— Конечно! Можно было взять того рыжего связиста с катушкой кабеля. А вчера мотоциклиста.

— Связиста сразу же начнут разыскивать. А за мотоциклистом шел грузовой «оппель». Впрочем, два года тому назад и я и мои товарищи радовались бы любому из таких «языков». Но тогда мы захлебывались собственной кровью в донских степях, а сегодня били фашистов в какой-то сотне километров от государственной границы. Иные времена — иные песни.

— Стало быть, вы замахнулись на какую-то более видную птицу? — Вернидуб восторженно заглянул в глаза Сорокину.

— Совершенно верно. Очевидно, ты заметил, что вот уже третьи сутки мы петляем вокруг одного и того же места? Приглянулся мне крутой поворот шоссе близ моста через речушку Гусью. Чем, по-твоему, он интересен для нашего брата?

— Ну, например, по обе стороны дороги удобно организовать засаду...

— Кончик ниточки ты, Сергей, ухватил. Неделю тому назад группа Николая Спиридонова установила, что гитлеровское командование перебросило сюда с Западного фронта пехотную дивизию. Во Франции офицерам этого соединения жилось вольготно. Они и здесь на ночь уезжают с переднего края. Поглубже в тыл, поближе к комфорту. То ли шнапс пьют, то ли картишками развлекаются...

Видал, сколько легковых автомашин под вечер сбавляют скорость у того крутого поворота?

— И позавчера и вчера, едва наступали сумерки, друг за другом проскочили три «мерседеса», а минут через двадцать за ними промчалась машина кофейного цвета. Вроде «опель-капитан»...

— Кто, по-твоему, разъезжает в оливковом «опель-капитане»?

— Видимо, более высокие чины. По Сеньке и шапка!

— Тогда почему начальство покидает передний край позже, чем подчиненные? Где логика?

— Не знаю.

— Впрочем, это не так важно. Все равно нацелимся на последнюю машину. Вуди ребят: наметим окончательный план действий — и к повороту.

Последние лучи солнца, скользя по дрожащей листве, блекли и прятались за верхушки деревьев. Утратив золотой блеск, листья стали серыми и холодными.

Из зарослей папоротника-орляника Сорокин и Вернидуб хорошо видели острое колено поворота.

Время тянулось медленно, как всегда при напряженном ожидании. Миновало более часа с той поры, когда разведгруппа организовала засаду, а на запад еще не прошла ни одна легковая автомашина. Только семь тупорылых грузовиков прогремели расштаннными бортами в сторону Львова. По каким-то почти неприметным признакам Сорокин определил, что эти машины принадлежат вражескому артснабжению.

И действительно, когда один из «опелей» остановился у моста, из кабины вылезли два гитлеровца в форме артиллеристов. Румяный шофер схватил ведро и побежал к реке. Раздвинув осоку, он зачерпнул зеленоватой воды и направился к машине. Его напарник — лысеющий блондин с бакенбардами — презрительно ухмыльнулся:

— Все вояки, прибывшие из Франции, — хвастуны и чистоплюи. Это ведь они потребовали, чтобы на ресторанных столиках были таблички «Только для офицеров!». Не фронтовики, а дерьмо. Ну скажи, где это видано, чтобы командиры батальонов уезжали на ночь в глубокий тыл? Если узнают в штабе армии — боком им вылезет...

Шофер молча залил воду в радиатор и уже в кабине проворчал:

— Каждому свое!

«Все зависит от смысла, вложенного в эти слова», — подумал Сорокин, глядя вслед удаляющемуся грузовику, и сказал Вернидубу:

— Учись, браток, маскировке. Видишь бересклет по ту сторону шоссе? Под ним затаился Сомов. Никаких признаков, даже листик не шелхнется. В следующую минуту сибиряк снимет вражеского шофера одним выстрелом.

— Неужто? — усомнился Вернидуб.

— Наверняка! Для Сомова это проще семечек. Ведь он из потомственных иркутских охотников. Белку в глаз бил, чтобы шкурку не продырявить. Но к винтовке он прибегнет лишь в том случае, если не подействует приманка. Сейчас объясню... Улучив момент, когда пройдут «мерседесы», Сербиненко выбросит на шоссе трофейный немецкий ранец. Машина остановится. Вот тут-то надо действовать с точностью выверенного хронометра.

— А зачем Сербиненко таскает за собою этот ранец?

— Привык: вещь удобная и вместительная. Ну хорошо, помолчим. Сейчас движение на шоссе оживилось.

И действительно, через несколько минут на восток промчался дивизион семидесятипятимиллиметровых орудий. Дребезжа изношенной ходовой частью, прогромыхал пятнистый бронетранспортер; в его кузове подпрыгивали катушки телефонного кабеля.

Сумерки сгущались, а легковых машин ни слуху ни духу. Странно... Ведь Сорокин умышленно дождался субботы: фашисты-гуляки, по его мнению, возлагали особые надежды на субботний вечер и воскресный день. Главное, их не скоро хватятся. А если вдруг высшее начальство запретило эти увеселительные прогулки? Тогда все рухнет. И время зря утеряно, и новую «дичь» придется снова подкарауливать...

«Кто бы мог подумать, что пораженческие настроения пустили на восточном фронте такие глубокие корни! — подумал гауптман Хубе и настороженно покосился на шофера.— Если уж фрау Эльза, племянница самого Розенберга, считает, что нас может спасти только мир с Англией и США, то дела фюрера действительно плохи... Кстати, надо будет подробнее расспросить фрау Эльзу о новом секретном оружии. Этот сувенир, — он нащупал в кармане плоскую пластмассовую коробочку с драгоценным перстнем, — наверняка откроет путь к ее сердцу. Да и мне станет легче: уж больно часто напоминает о неприятном эпизоде. Старую парижанку, его владелицу, которая не хотела расставаться с драгоценностями, пришлось застрелить...

Франция. Благословенный край. Сказочный Париж. Трианон. Гигантские каштаны. Густая зеленая ковровая дорожка газона. Два ряда низких чаш-фонтанов, поддерживаемых четырьмя амурами. Светло-золотистый силуэт чудо-дворца на фоне синего неба. А здесь совсем не то! Даже полученная из дому посылка скудна... Всемирно известное дортмундское пиво стало безвкусным... Какой-то эрзац, желтая бурда... Выпил три бутылки, а поджигает так, словно опорожнил две дюжины...»

— Послушай, Рольф, — обратился он к шоферу.— Остановись у поворота.— Гляди, гляди, у поворота что-то валяется.

— Солдатский ранец. Вероятно, какой-то разиня из наших ехал в кузове. На повороте грузовик занесло — вот ранец и вылетел, никто этого не заметил, — высказал свое предположение шофер и нажал на тормоза.

Машина остановилась у обочины. Первым на шоссе выскочил ординарец, учтиво открыл дверцу. Хубе вышел из автомобиля, потянулся.

— Вы займитесь находкой, а я сейчас... — Гауптман перескочил через кювет и нырнул в придорожные кусты.

Неподалеку зашелестела трава, хрустнула сухая хворостина. «Коза или скорее всего вепрь». — Хубе пытался расстегнуть кобуру, но шею его стянуло словно тугой петлей, всю гортань заполнило что-то колюче-ворсистое — ни охнуть, ни позвать на помощь! Ужас охватил гауптмана, когда он почувствовал, что руки его накрепко связаны за спиной.

Хубе развернули на сто восемьдесят градусов, и он увидел обрамленное пятнистым капюшоном лицо с крупным прямым носом, серыми строгими глазами и выплывшими на солнце лохматыми бровями. «Русская разведка! — Хубе вздрогнул от противного озноба. — Какой-то кошмар! Шныряют в глубине нашей обороны, как у себя дома. Впрочем, они действительно дома... И какого дьявола занесло нас в эту азиатскую страну!»

Пружинистой, мягкой походкой к испуганному гауптману приблизился другой разведчик — узкоплечий, черноглазый. Ему Солов (это он скрутил Хубе) передал отобранные у пленного документы. Сорокин глянул в удостоверение личности, потом на Хубе и спрятал документы за пазуху масксорочки.

Тем временем гауптман осмотрелся. Его ординарец и шофер, связанные по рукам и по ногам, беспомощно подпирали комель толстого дуба. «Значит, их тоже... Ну и сноровка же! Математический расчет! А какое хладнокровие!» — Он с нескрываемым интересом взглянул на Сорокина. К тому подбежал смуглый курчавый парень лет двадцати шести и вполголоса доложил:

— Товарищ командир! Машину я отогнал в лес и тщательно замаскировал.

— Хорошо! — ответил Сорокин и посмотрел на шофера и ординарца. — Развяжи ноги этим артистам!

Щербаков отдал честь, и гауптман сообразил, что группой командует черноглазый статный разведчик.

А Сорокин, вытащив из кармана документы фашистов, посмотрел их и по-немецки сказал:

— Вам, господин гауптман, рекомендую выполнять мои советы с десятикратным усердием. Даже слепому видно, что разведчикам, да еще с тремя «языками», очень трудно переходить линию фронта. А поэтому при малейшем неповиновении любой из вас будет

отправлен к... усопшим предкам. Пожалуйста, отдайте соответствующее распоряжение своим бывшим подчиненным.— Сорокин выдернул кляп.— Кажется, вы правильно меня поняли. Не так ли?

— Абсолютно правильно! — вопреки уставу вермахта ответил Хубе и щелкнул каблуками.

Около полуночи разведгруппа обошла с юга село Оленько и углубилась в старый лес. Первым шел неумолимый Сомов. За ним, опустив головы, брели три гитлеровца. Сопровождали их Щербаков, Сербиненко, Вернидуб и Сорокин.

Дважды на пути попадались островки столетних черных елей, окруженные молодым подлеском. Сомову они напомнили родную сибирскую тайгу. Хорошо там, особенно зимою... Не шелохнутса заиндевелые низкорослые ельники... А над ними возвышается кедровая грива... У клюквенных болот великаны кедры растут вперемежку с березами, которые словно излучают свет. От этого тайга становится просторнее, и на снегу отчетливей видны пугливый след изюбра, мелкая вязь колонка, бесхитростная мережка спокойной кабарги... «Что это я? — востропнулся Сомов.— Вокруг фрицы... И вдруг такое привиделось... Мечтал напиться воды из Днепра. А когда добрались до Днепра, захотелось перешагнуть нашу границу, пограничника в зеленой фуражке у полосатого столба увидеть... Подошли к границе — и вот в мыслях воскресли родные места. Выходит, Берлин отошел на задний план? Рановато подступила к сердцу эта самая... Как же ее Сорокин окрестил?.. Кажется, лирика!»

Даже в лесной тьме острый глаз сибиряка различил продолговатый холмик, присыпанный еловыми ветвями. Сомов поднял руку — сигнал остановиться, немцам скомандовал «Хальт!» и склонился над холмиком.

Из-под лапчатых ветвей торчала рука, на манжете — пуговица со звездочкой.

Сибиряк разгреб ветви и мимо воли отшатнулся. На груди убитого темнела вырезанная ножом или тесаком пятиконечная звезда, вместо глаз — черные впадины, у левого плеча валялся оторванный погон с одним просветом.

Сомов резко повернулся и шагнул к Хубе. В нескольких сантиметрах немец увидел искаженное ненавистью лицо с крупным прямым носом, лохматыми бровями и затрепетал от страха.

— Это вы... — Гауптмана обожгло горячее дыхание разведчика.— Это из-за вас осиротели миллионы детей... Из-за вас поросли полынь-травою могилы... И этого замучили... Слышишь, ты, тень человека?! — Железные пальцы сошлись на горле пленного.

Сорокин знал: силач-сибиряк, которому ничего не стоило завязать узлом толстую кочергу, мог одной рукой задавить Хубе, как мышонка. Но он так же хорошо знал, что Сомов скорее сам умрет, чем задушит безоружного, и поэтому не тронулся с места. Ничего — пусть припугнет фрицев перед линией фронта!

Сиплое хрипение гауптмана охладило Сомова. Он разжал пальцы и уже совершенно спокойно сказал:

— Однако бывает... Объяснились немного на русском языке.

— Держи нервы на предохранителе, еще пригодятся,— посоветовал Сорокин.— Похоронить беднягу не успеем: времени в обрез. Прикрой его ветками и догоняй нас.

— Слушаюсь,— пробормотал Сомов, сам недоумевая, как это с ним такой конфуз приключился.

Сначала передний край известил о себе рваными пулеметными очередями, а когда лес расступился — мертвенно-бледными вспышками ракет.

На опушке Сорокин решил сделать короткий привал, чтобы передохнуть и сориентироваться.

— Отдохните. Сейчас наступит самый трудный, самый опасный момент,— по-немецки предупредил он пленных.— Возможно, кто-либо из вас помышляет крикнуть или сбежать... Честно говоря, изредка «языки» себе такое позволяли, но это в их жизни были последние поступки.

Затем командир группы приказал разведчикам ждать его здесь, а сам плашмя лег на землю и пропал в темноте.

Июльские звезды спрятались за тучи. Пошел крупный, дружный дождь. На радостях (непогода сейчас кстати!) Щербаков отдал немцам свою плащ-палатку, а сам приютился возле Вернидуба.

Во тьме почти рядом крикнула сова. Щербаков ответил таким же криком. Заскрипела набрякшая плащ-палатка. Сорокин присел на корточки, отдышался и сказал:

— Развяжите немцам руки. В том же порядке, ползком — за мной!

Это же распоряжение он повторил по-немецки и пополз к переднему краю.

Почва размокла, локти вязли в грязи, мокрая трава больно секла по лицу, но запыхавшийся с непривычки гауптман Хубе старался не отставать. Лишь один раз он упустил из виду сапожищи Сорокина,— правый локоть немца угодил в колдобину, и вязкая жижа залепила глаза. Хубе испугался, пополз быстрее и наконец снова увидел знакомые кирзовые сапожищи.

Дождь не прекращался. Пулеметы захлестывались то впереди, то сзади. Пули осатанело свистели над головой. И теперь — как ни странно! — больше всего на свете Хубе боялся, чтобы разведчики не сбились с пути. Геббельсовской пропаганде, вопившей на все лады о том, что русские расстреливают военнопленных, он и раньше не верил и отныне считал плен единственным шансом уцелеть в этой всевропейской мясорубке. И потому еще усерднее месил животом липкую грязь.

«На их месте,— размышлял Сорокин,— любой, даже самый захудалый из наших солдат попытался бы улепетнуть. Ведь трое же...

Бросились бы в разные стороны — гляди, кто-нибудь и спасся от нашей пули. А нам открывать пальбу среди вражеских окопов и вовсе рискованно... Нет, не тот нынче немец. Вот оно, фюрер, начало твоей гибели!»

Фашистские ракеты — линиялы, на тоненьких ножках — вспыхивали далеко позади. По расчетам Сорокина, группа уже пересекла нейтральную зону и сейчас находилась вблизи окопчиков нашего боевого охранения.

Из темноты приветливо мигнул зеленый глазок сигнального фонаря.

— Стой! Кто идет? — сердито крикнул простуженный бас.

— Ахтуба! — ответил Сорокин, пропуская вперед пленных.

— Скажи, пожалуйста, троих приволокли! — одобительно рокотал тот же голос, принадлежащий, к удивлению разведчиков, маленькому пехотинцу, смахивающему на общипанного воробышка. — И не убоялись вести несвязанных?

— Эх, сестренки-шестеренки! — ухмыльнулся Щербаков. — Пусть уж лучше эта свора нас боится!

ВДОГОНКУ

Его избивали до полусмерти, отливали холодной колодезной водой и снова допрашивали. На допросах неизменно присутствовал тощий пожилой оберст. Лицо его всегда было тщательно выбрито. Иногда на голову — с очень реденькими седыми волосами — отворачивал в сторону, и тогда она напоминала одуванчик. Он смотрел на русского «языка» беззлобно, а временами даже с одобрением.

Гауптман Эрст безразлично швырнул в корзинку с мусором вторую пару окровавленных перчаток.

— Нам хорошо известно, что советские воинские части получили приказ о новом наступлении. Последний раз спрашиваю: когда начнется наступление? Говорите, или вас немедленно расстреляют!

Пленный сплюнул в угол ярко-красную слюну и, едва ворочая распухшим языком, произнес:

— Не пугай меня, гитлеровский недоносок. Смерти я не боюсь. Заслужил с лихвой... Потому как солдат, уснувший на посту, — хуже предателя. А больше ты ни слова из меня не выжмешь.

Эрст наотмашь ударил его рукоятью парабеллума. Ноги пленного подкосились, он упал на пол. Оттопырив толстую, выступающую вперед нижнюю губу, гауптман набрал полную кружку воды.

— Прекратите, Эрст, эти гестаповские штучки, — сказал седой оберст. Он поднялся, снял с вешалки фуражку. — Против русских подобные методы бессильны. Отправьте-ка пленного в штаб корпус.

Там оберет Халлер подберет к нему ключик. И, пожалуйста, сейчас же. Чтобы к одиннадцати «язык» был в штабе.

— Яволь, герр оберет! До Шенгеровки — пешком, а оттуда в корпус на моей «олимпиа».

— Выполняйте, Эрст! Стальная пружина русских сжата до предела. Нам необходимо установить, когда она выпрямится.

Сначала на востоке обозначилась нежно-лиловая полоса, потом над передним краем зарделся легкий багрянец, и небо вспыхнуло щедрой позолотой. Ввысь устремились десятки ликующе-светлых прожекторов. И вот уже взошло, засверкало свежее, умытое солнце.

Неожиданно лейтенант Кравчук вспомнил, как после выпускного вечера его погодки встречали такой же рассвет за Шепетовкой, как вздыбилась и застонала земля от первых фашистских бомб. А сегодня война словно уснула. Не верь ей, разведчик! Слышишь, как люто ударила она по рассвету длинной пулеметной очереди, как разнеслось по лесу эхо тяжелой гаубицы.

Под густым кустом лещинника заворочался сержант Гуля. Откинув плащ-палатку, полтавчанин с недоумением уставился на Кравчука. Под глазами — отливающие желтизной нездоровые мешки: получасовой сон не снял усталости.

— Не пойму, что за цаца этот Пилипенко! Салажонек из последнего пополнения, который еще, считай, и не слышал, как по-настоящему пуля над ухом свистит. Уснул, гнида, на посту. Вот его гитлеровцы и выкрали ни за понюшку табака. А из-за него целую группу среди ночи по тревоге подняли... Хлопцы даже не отдохнули после трудного поиска.

— Постарел ты, Гуля! Ворчишь, словно семидесятилетний старикан, — добродушно ухмыльнулся Кравчук.

— А оно так и есть, дорогой лейтенант. Три года животом утюжу эту горемычную землю. Каждый такой годок десятка лет жизни стоит. Мне, считай, тридцать шесть. Тридцать шесть плюс тридцать — без малого семьдесят. Такая, считай, арифметика...

— Выходит, верно — старикан. А основной цели нашего поиска не усвоил, — упрекнул Кравчук. — Наш комдив беспокоится, что необстрелянный новобранец под пытками может выболтать дату и время наступления. Сам понимаешь, чего это стоит... Потому и приказано нам разыскать Пилипенку живым или мертвым. Либо выяснить, как он вел себя. Понял?

— Нелегкая работенка... Такого еще не бывало!

— Соображать надо. Фашистские разведчики притащили «языка» в блиндаж комбата. Там его допросили — и в штаб полка. Где находится этот штаб, мы не знаем. Зато известно, что штаб дивизии в Шенгеровке. Независимо от результатов допроса пленного повезут

либо в машине, либо отправят пешком под конвоем. Как бы там ни было, нам необходимо устроить засаду близ дороги на Шенгероюку. Ты, Федосеевич, хорошо знаешь это шоссе по прошлому поиску. Где, по-твоему, целесообразнее подкараулить конвой?

Гуля прищурил правый глаз, сбил пилотку на затылок и решительно ответил:

— У мостика через овраг. Густые придорожные кусты — это раз. Журчание ручья скрывает звуки — это два. К мостику сходятся несколько тропинок, ведущих от переднего края, — уже три. Очень удобное место. Считай, лучшего не сыскать.

— Поведешь туда группу, — сказал Кравчук и взглянул на солнце. — Надо торопиться. А я здесь еще кое-что уточню и тут же догоню вас.

К восьми часам движение по прифронтовому шоссе прекратилось. Кравчук осторожно раздвинул ветки орешника. Безлюдно. Тихо. Едва слышно журчит ручей да мерно постукивает дятел. «А может, и в самом деле я дал промашку? Ведь могли гитлеровцы отправить «языка» в штаб дивизии еще ночью?! Или огреть чем-нибудь увесистым и убить. Либо просто расстрелять. Ищи, как малька в море», — размышлял лейтенант Кравчук, искоса поглядывая на разведчиков.

Нахмурившись, Гуля придирчиво осмотрел блестящий запал гранаты, сдул с него невидимую пыль, вставил в «лимонку».

Настороженный Грицюта, припав ухом к земле, к чему-то прислушивался, и по растерянному взгляду можно было определить, что острый его слух сейчас улавливает какие-то неясные, трудно различимые звуки.

Сапер-сержант Ивченко мирно дремлет: его заботы впереди.

«Как бы не опростоволоситься нам, — думал Кравчук. — Не слишком ли самоуверенно я поступил, что привел сюда хлопцев? Мало ли что могло с Пилипенко стрястись... Многое зависит от того, как прошел допрос...»

— С переднего края движется грузовик с орудием на прицепе, — шепнул Грицюта.

Лейтенант прислушался. Слева донесся рокот мотора, затем удалось различить мерное поскрипывание рессор. «Да, — удивленно покачал головой Кравчук. — Не зря наш старшина Татьянин уверен, что Грицюта слышит, «как храпят часовые у дворца английской королевы».

Из-за поворота показался грузовой «опель» со стопятидесятиметровой пушкой на прицепе. В кабине сидели унтер-офицер и водитель. Кузов был пуст. Значит, везут орудие в ремонтные мастерские. Метров за десять от моста машина затормозила.

Распахнув дверцу, на шоссе выскочил шофер с зеленым ведерком в руках и стал спускаться к ручью.

Унтер-офицер тоже вылез из кабины, размялся, перепрыгнул кювет и направился к придорожным кустам. Сделай он еще один шаг...

Кравчук сильнее зажал в руке нож...

Но унтер-офицер остановился. Насвистывая какую-то веселую песенку, он закончил свое нехитрое дело и поспешил к машине.

На обочине курил водитель: он уже залил воду в радиатор и, как видно, был доволен собой, машиной, погожим утром.

«И принесла же сюда этих гитлеровцев нечистая сила! — сердился Кравчук. — Только их и недоставало здесь, у моста...»

— Чего ты развалился, как в родном Шварцвальде? — сердито буркнул унтер-офицер. — По партизанам соскучился?

— Успеем, — огрызнулся шофер, тщательно затаптывая окурки.

Гитлеровцы уселись, и «опель» тронулся.

Но Кравчuku не стало легче. С каждой минутой его все назойливее одолевали сомнения. Лейтенант несколько раз встряхивал часы, наклонялся к ним ухом — отчетливо слышалось тиканье крохотного маятника. Или от усталости (Кравчук две ночи не спал), а может, от нервного напряжения стали слипаться тяжелые веки. Лейтенант недовольно покачал головой, стараясь отогнать сон. И в этот момент Грицюта прикоснулся рукой к плечу и приложил палец к губам: тише!

Кравчук понимающе кивнул и отвел ветку в сторону. Вдоль обочины, прихрамывая, ковылял босой человек в изорванной буро-зеленой гимнастерке, с перебинтованным лбом и связанными руками. Шел он, покачиваясь, с трудом держался на ногах. За ним, с автоматом на изготовку, двигался рослый плечистый фашист. Холеное, смуглое лицо, ровный правильный нос, рыжая щетина усов. Фашист достал из нагрудного кармана губную гармошку, смешно раздул щеки. Лесную тишину нарушили звуки фокстрота.

Позади конвоира зашуршала листва. Он оглянулся, хотел крикнуть, но, вероятно, от ужаса слова застряли в горле — гитлеровец лишь беззвучно жевал губами. Удар Кравчука сбил его с ног, повалил в кювет. Подоспевший Гуля финкой разжал фашисту зубы и привычным движением вставил кляп.

Дергаясь и судорожно всхлипывая, Пилипенко шептал:

— Свои... Братцы... Свои... Братва... Я присяги не нарушил. Братцы мои...

— В лес! — приказал Кравчук. Из-за пазухи он вынул плитку шоколада, половину отдал изможденному бедняге. — Ешь понемногу, сила нужна теперь — дай боже!

Они углубились в бор километра на полтора, сделали привал. Кравчук устало прижался спиной к сосне.

— Гуля, как там фриц? — спросил он с закрытыми глазами.

- Кондрашка его нехватила, пришел в себя.
- Хорошо. Пусть сядет поближе. И кляп выньте!
- Setzen sie sich hier! Schnell!¹— отрывисто рявкнул Гуля.

Гитлеровец послушно выполнил приказание и заискивающе смотрел на лейтенанта.

— Никто не знает, что ждет солдата на войне... Вот и вы,— Кравчук взглянул на фашиста, потом на Пилипенко,— поменялись ролями.— Он умолк, очевидно, припоминая нужное немецкое слово.— Поэтому очень важно всегда и во всем быть человеком.— Лейтенант полистал золдбух Рене Ходеберта.— Вы понимаете меня, обер-ефрейтор?

— Яволь!

— Ночью мы перейдем линию фронта. Если вы хоть вздохнете громче обычного, клянусь слезами русских матерей...— Кравчук просунул мускулистую руку за ремень фашиста, привлек к себе.— Ясно я выражаюсь?

— Яволь, герр офицер. Не дай бог, чтобы и моя мать зарыдала.

— Вы, Ходеберт, сами решаете свою судьбу,— сказал Кравчук и, повернувшись лицом к саперу, уже иным тоном продолжал:— Гитлеровцы довольно скоро обнаружат пропажу. Теперь, Ивченко, все зависит от тебя.

В предгорье Судет дивизионные разведчики захватили в плен группу немецких офицеров во главе с оберстом Фрезе. Пленных доставили в штаб дивизии.

Седой, тщательно выбритый оберст отвечал на вопросы без всяких ухищрений и недомолвок, часто дополняя ответы воспоминаниями и личными наблюдениями.

Закончив допрос, лейтенант Кравчук отложил в сторону последнюю страницу протокола. Оберст нервно заерзал на стуле. Кравчук вежливо предложил пленному сигарету, щелкнул зажигалкой.

Через распахнутое окно майор Воронов наблюдал, как по отрогам Судет упрямо карабкаются в горы буки, дубы, лиственницы, сосны. Аромат цветущих яблонь напоминал о том, что весна полностью вступила в свои права. И майор почти не слушал несколько сентиментальные душеизлияния престарелого гитлеровца. Но вдруг пленный заговорил о каких-то русских разведчиках, и Воронов снова стал его внимательно слушать.

— Я высоко ценю смелость, смекалку и, если можно так выразиться, военную дерзость советских разведчиков. Но даже я — солдат трех войн — был поражен тем случаем... В Тернопольской области, на восток от Озерян, наша полковая разведка захватила русского «языка». Надо сказать, что вел он себя с достоинством, тайны военной не выдал, хотя знал, конечно, о многом. Мы решили отправить

¹ Садитесь сюда! Быстрой! (нем.)

его в штаб корпуса. Однако во время конвоирования этого пленного выкрали советские разведчики. Предполагая, что линию фронта они будут переходить ночью, мы усилили охрану переднего края, утроили количество постов. И представьте себе: эти смельчаки рискнули проползти по минному полю! Вероятно, с ними был прима-сапер, гроссмейстер своего дела. Он обезвредил тридцать мин с секретным взрывателем-новинкой. И вообще, судя по всему, группой командовал великолепный разведчик. Он предусмотрел все... Скажу честно, желание взглянуть на него, как говорят русские, хоть одним глазом, долго не оставляло меня...

— За чем же остановка? — оживленно сказал майор Воронов. — Надо было тогда же перейти линию фронта, сдать в плен, и ваше желание наверняка осуществилось бы... А сейчас, господин оберст, ничем не могу помочь. Правда, — Воронов не сумел скрыть странную улыбку, — можете взглянуть на лейтенанта, который допрашивал вас. Тот разведчик был очень похож на него. Почти как две капли воды... Только не такой мрачный. И на год моложе.

С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Так искусно, со знанием дела Щербаков еще никогда не маскировался. Но в этом не было ничего удивительного: в расположении врага он находился совсем один. Ночью... Всюду — окопы, пулеметные гнезда, дзоты...

Откровенно говоря, с укрытием ему повезло. Неделю тому назад на левом берегу Вислы наши штурмовики подожгли около тридцати фашистских танков, бронетранспортеров и грузовых автомашин. В густой темноте, прячась среди обгоревшей вражеской техники, Щербаков нашел саперную лопатку. Почти на вершине холма, под кормой подбитого бронетранспортера, он разглядел достаточно глубокую воронку. Разведчик удлинил ее лопаткой, потом подтащил задний борт «опеля» и прикрыл им свой окопчик. В промежутках между вспышками ракет «висячек» натаскал дерн и замаскировался. Около часа порядком уставший разведчик напряженно и чутко отдышал в укрытии, неприметном для человеческого глаза.

Что привело его в глухую ночь на вражеский берег?

...В прошлую субботу, как только наступили августовские сумерки, на саперов, наводящих переправу через Вислу, обрушился мощный огневой налет. В течение пятнадцати минут снаряды фашистской артиллерии перепахивали песчаный берег. Погибли два бойца, пошел на дно понтон, продырявленный сразу в нескольких местах.

В ту же ночь танки полковника Тарасова, обходя справа село Печоноги, подтянулись к березняку. По ним точно с такой же силой

ударила гитлеровская дальнобойная артиллерия. За десять — двенадцать метров от спасительной опушки сгорело несколько «тридцатьчетверок».

Но более всего Щербакова и его товарищей поражало то, что уже в четверг гитлеровцы вели прицельный артиллерийский огонь по деревянным стропилам моста, умело проложенного под водой на глубине тридцати сантиметров.

Вывод напрашивался только один: кто-то искусно корректировал огонь вражеской артиллерии и при этом хорошо видел цели.

Начальник дивизионной разведки майор Воронов считал, что гитлеровский наблюдатель расположился где-то поблизости, может быть, даже на нашем берегу. Разведчики буквально исползали все правобережье, но... на след корректировщика так и не попали. Тогда старший лейтенант Добриченко решил послать «в гости» к фрицам самого наблюдательного и бывалого разведчика.

«Пойдешь один,— сказал командир роты Щербакову.— Одному удобнее в первую попавшуюся щель забраться. Оценишь местность их глазами: где бы ты, будучи на месте немецкого офицера, посадил своего корректировщика или артиллерийского разведчика? Не беспокойся, наша артиллерия прикроет тебя надежно. В остальном полагайся только на себя».

Острое предчувствие близкой опасности внезапно прервало воспоминания Щербакова. У него, как это часто бывало в трудную минуту, нервно задергалась левая бровь. Разведчик затаил дыхание, прислушался. Где-то недалеко разговаривали два немца. Глухие голоса медленно приближались. Хриплый бас, иногда срывающийся на скрипучий дискант, принадлежал, наверно, старому и больному солдату.

— Нет, Фреди, ни одно секретное оружие уже не поможет фюреру,— старика душил чахоточный кашель.

— Неправда, дядюшка Отто,— возразил совсем молодой, приятный баритон.— Адольф Гитлер никогда не обманывал нацию. Я верю в победу рейха! Верю!

— Каждый человек должен верить всевышнему или... сатане, иначе он с ума сойдет,— грустно заметил Отто.

— Давайте, дядюшка, покурим под этим бронетранспортером...

— Не стоит напрашиваться на пулю русского снайпера. Пойдем!

«Тотальные фольксштурмовцы,— сразу догадался Щербаков.— Какой леший их тут носит?»

В тот же миг разведчик почувствовал, как под ним слегка задрожала земля. Недалеко ровно и приглушенно загудел мотор немецкого танка.

«По-видимому, он был закопан в землю,— подумал Щербаков.— Почему движется к реке? Не связан ли этот демарш с действиями корректировщика? Может, танкисты отвлекают внимание наших,

а тем временем тот, кого я выслеживаю, переправляется через реку? Эх, сестренки-шестеренки! За этим берегом вели наблюдение такие асы, как Спиридонов, Пушкарь, Грицота. Они склонны думать, что враг притаился на левом берегу, у самой воды. Такого же мнения придерживается и потомственный сибирский следопыт Иван Сомов. Но из правобережных кустов — в этом я убедился несколько часов тому назад — не видно ни перелеска, ни хутора Поник. Какой-то заколдованный круг... Эх, сестренки-шестеренки! Правильно говорил Пушкарь: уравнение с тремя неизвестными. Где неприятель? Кто он? Как его уничтожить?» Щербаков закрыл глаза. Голова будто свинцом налилась от усталости, предательски подкрадывался сон. Разведчик глянул на фосфоресцирующую стрелку часов. Было три часа десять минут. В такое время ночи ужасно хочется спать, и горе тому, кто не может совладать с собой.

Справа, словно молотком по барабану, застучал крупнокалиберный пулемет. «Это ведь совсем рядом!.. Всю ночь молчал, а сейчас, смотри, как лупит. Пулеметчики тоже боятся уснуть... Ого-го, немного дальше еще один объявился. А вот и третий... Кажется, на соседнем пригорке... Не спится фашистам, что-то предчувствуют...

Щербаков решил немного отдохнуть: лег на спину, вытянул ноги и несколько минут лежал, ни о чем не думая. Он знал, что скоро начнет рассветать, а майор Воронов и Добриченко всю ночь не сомкнули глаз и опять ломают голову...

«Какие-то они совсем разные,— подумал с теплотой Щербаков о начальнике разведки и командире роты.— Воронов — строгий, суховатый, слишком осторожный, от устава ни на шаг не отступит, не побрезгует вставить непристойное словечко. Другое дело Добриченко — человек мягкий, чуткий, изобретательный, любит и риск и точный расчет. Главное — всегда с юморком. Вот чертушка! Это он во время армейского совещания разведчиков заявил, что немцы уж очень тщательно изучили наши уставы, и поэтому для успеха иногда какой-нибудь параграф полезно поставить с ног на голову.— Щербаков повернулся на бок.— Да, совсем разные Воронов и Добриченко. А вот дружат, и начальство высоко ценит обоих... Эх, сестренки-шестеренки! Они на меня надеются, думают, что я делом занимаюсь, а я им косточки перебиваю... Хватит! Пора посмотреть, что творится на белом свете...»

Щербаков слегка приподнял прямоугольник дерна, подпер его куском доски. Сквозь щель он увидел излучину реки. Вдоль берега вилась узенькая полоса камыша. Вправо желтел песчаный плес. К нему в четыре вафельных ленты вытянулись следы танковых гусениц. Разведчик и так и этак пытался связать ночной маршрут танка с действиями неуловимого корректировщика, но всем его версиям не хватало одного — четкой логики.

«Надо дать мозгам немного передохнуть». — И Щербаков вдруг подумал, что жизнь все же прекрасна и непобедима даже среди самых чудовищных ужасов войны. Прямо перед ним на земле, вывороченной бомбой, задиристо и свежо зеленел кустик спорыша. Его стебельки напоминали бусы из живого, хрупкого, самого чистого хрустала. Капельки разной величины — чудо утренней росы — сверкали на солнце, и потому сейчас ни один стебелек не был похож на другой, и от этого многообразия мир казался еще прекраснее. Размечтавшись, Щербаков подумал, что, возможно, весной будущего года такой зеленой, яркой травой зарастут все эти осточертевшие воронки, окопы и ямы. И запах той весны будет по-мирному нежный, торжественный. И великая радость поселится среди людей навсегда...

Длинная очередь крупнокалиберного пулемета напомнила Щербакову о войне, и он посмотрел вправо на крутой берег. Какое-то время внимательно вглядывался в трехколенчатый окоп, обшитый новыми досками. У пулеметного гнезда маячил часовой. В окопе наблюдения лохматый немец тщательно протирал окуляры бинокля. На изгибе окопа два фрица склонились над карманными шахматами. Против офицерского блиндажа раздетый до пояса немец брил загорелую шею. «А что? Блиндаж отгрохали с комфортом. Даже кровати привезли... Видно, надеются надолго обосноваться здесь... Нет, чертovy куклы, не те времена!» — Щербаков осторожно убрал подпорку.

Когда глаза отдохнули, разведчик приподнял следующий кусок дерна.

Неподалеку от хутора Поник засел на мели фашистский пароход «Sieg»¹. Борт, обе палубы и черная труба с красным ободком изрешечены снарядами и осколками. На этом судне гитлеровское командование перевозило в район Сандомира какую-то воинскую часть. Рассказывали, что оно было буквально облеплено фашистами. Именно тогда прорвалась к Висле батарея капитана Рукавишника. Первым же залпом артиллеристы вывели из строя рулевое управление, и пароход застрял на мели. Под непрерывным огнем солдаты и экипаж спасались вплавь. Не многим повезло...

Песок и ил засасали судно по ватерлинию. Так до сих пор и сидит на мели фашистская «Победа».

Щербаков посмотрел влево. Конечно, умный враг не станет маскироваться за перевернутым набок бронетранспортером. Не укроют его и обгорелые обломки сбитого «мессера». Разведчик медленно опустил дерн, положил в рот кусочек сахара. После сладкого еще сильнее захотелось пить. «А фляга уже пустая... Ни глотка! Отвратительная штука — жажда. Всего четыреста метров — и полноводная Висла. Эх, сестренки-шестеренки! Бог с ней, с этой водой... Зато есть время подумать. Теперь можно всю панораму оценить «с пози-

¹ «Победа» (нем.).

ции» противника. Так и сделаем... Итак, где бы я, будучи корректировщиком, выбрал себе засидку? Последние три ночи выдались темные, с изморосью. В такую непогоду с дальних холмов не много увидишь... Надо искать себе место где-то ближе к Висле. Где именно? В прибрежных кустах на левом берегу? Не годится: за ивняком, взбегающим на правобережный косогор, большое поле невидимости. А может... Эх, сестренки-шестеренки! Постой, постой... А что, если... на пароходе? По-моему, разумно и правильно. Я бы, например, облюбовал бы трубу. Почему? Во-первых, весь правый берег как на ладони. Во-вторых, множество мелких пробоин: наблюдай себе, сколько душеньке уютно, гляди в любую дырочку. В-третьих, на распорках можно устроить сиденье. А главное — никто не додумается искать тебя в трубе. Наши саперы осматривали пароход, а в трубу, ручаюсь, так и не додумались заглянуть... Да, да, только на пароходе. И коль мне это пришло в голову, то почему не мог додуматься неприятель? Безусловно, мог. Надо хорошенько понаблюдать за этой посудинкой. Вот только малость подожду, пускай солнышко повернет на запад, а то, чего доброго, наши пальнут в левый глаз...»

Щербаков свернулся калачиком, пощипывая время от времени руки, чтобы не уснуть. И все же задремал... Издалека наплыла зеленоватая туча. Приближаясь, она разрасталась, превратилась в огромный сад, и из той всеобъемлющей зелени белым беледом выплыла до боли родная школа. Справа — знакомые три окна на втором этаже. Что это? В окне показалось продолговатое лицо... рогатая каска. Эсэсовец взвел автомат: зловеющий черный зрачок целит в Щербакова, как раз между глаз. Надо опередить фашиста... Скорей, скорей! Щербаков слышит звук своего выстрела и... просыпается.

«Какое легкомыслие! Уснуть в такой обстановке! Какая преступная беспечность! Эх, сестренки-шестеренки! Могло быть хуже... Могло быть хуже... Так зачем переживать? Присмотрюсь-ка повнимательней к верхней палубе». Щербаков уже в который раз поднял увесистый квадратик дерна. У борта, обращенного на запад, солнечными бликами отсвечивали легкие волны. И вдруг Щербакову показалось, что в рваной дыре трубы сверкнули линзы бинокля. Но зачем немцу рассматривать в бинокль свою оборону? Чепуха! Игра воображения... И нервы...

Через полчаса разведчику показалось, будто из трубы взвился легкий дымок. Неужели немец осмелелся зажечь сигарету? Это же безумство! Обескураженный Щербаков протер кулаком глаза, и дымка не стало... «Сдают нервы. Желаемое принимаю за действительное... Нет, нет. Так оно и есть! Он там! Чтоб мне не сойти с этого места! Один фриц на пароходе или несколько? Вернее всего один, легче маскироваться. Но и с одним хлопот не оберешься! Он, конечно, будет стрелять на каждый подозрительный шорох. Однако об

этом еще рано думать. Сначала надо незаметно подкрасться к воде, бесшумно подплыть к пароходу и подняться вверх... А может, лучше махнуть к своим за подмогой? Нет, этот вариант отпадает... Почему? За сутки корректировщик может много бед натворить. Да и засидку поменять может... К тому же, чем больше людей, тем больше шансов спугнуть этого выродка. И вообще, никогда и ничего не стоит откладывать. Итак, нужно еще раз все взвесить, дождаться вечера и — вперед!*

Когда совсем стемнело, Щербаков выбрался из своего укрытия и осторожно пополз к реке. У реденького ивняка затаился, прислушался, потом тихонько поднялся и юркнул в кусты. Из-под ног выпорхнуло что-то большое, затрепело крыльями и бултыхнулось в воду. Разведчик замер: не привлек ли шум внимание невидимого врага? Но вокруг было спокойно.

Щербаков разделся. Автомат и одежду завернул в плащ-палатку, связал веревкой, зажал в зубах финский нож и, придерживая одной рукой сверток, неслышно поплыл.

О корму тихо плескалась вода. Разведчик заметил толстый канат, свисающий с нижней палубы. Перебирая руками и ногами, быстро взобрался на палубу. В ноздри ударил сильный запах обгорелой краски и жженой резины. Стало трудно дышать.

У дверей кают-компании висел спасательный круг. Пароход сильно накренился: темно-коричневый контейнер съехал до самого борта. Щербаков спрятал за контейнером свою одежду, проверил автомат, взял нож и по трапу осторожно поднялся на верхнюю палубу. Не доходя двух метров до трубы, постоял, как журавль, на одной ноге, прислушиваясь к неясному шороху, и тихонько сел в массивное кресло рядом с капитанской рубкой.

Ни одного звука. Только за бортом чуть слышно плещет вода. «Неужели это всего-навсего моя выдумка, и здесь никого нет? — Щербаков лег на палубе так, чтобы тень от кресла падала на него. — А может, фриц услышал мои шаги? Выстрелит из парабеллума, а потом сбросит в реку...» Палуба за день сильно нагрелась, и теперь она согревала разведчика.

Какая непривычная, гнетущая тишина! Всюду — и над нашим берегом, и над Вислой, и над фашистской обороной. Неужели все живое ждет, что Щербаков будет делать дальше?.. «Что же предпринять? Как поступить? Эх, сестренки-шестеренки! Почему так насмешливо стучат часы?.. Полежу еще немного, а там...»

— Achtung! Achtung! ¹ — прозвучал в трубе хриплый голос, будто у человека, который сообщал координаты целей, шея была крепко стянута надежным шнуром.

¹ Внимание! Внимание! (нем.)

«Эх, сестренки-шестеренки! Значит, не ошибся!.. Но как выманить его из трубы? И вообще, откуда он туда пролезит? Где вход? Наблюдай, Федор, в оба, если хочешь живым остаться! Интересно, что заметил фашист на нашем берегу? — Щербаков посмотрел вперед, прислушался. — Вон оно что! К лесу за хутором Поник подходят «тридцатьчетверки». Превосходный слух у шакала!»

— Внимание! Внимание! — шпарил по-немецки открытым текстом корректировщик. — За основным лесом в квадрате 63—28 слышу шум танковых моторов. Приблизительно сорок машин.

«Что делать? — мучился Щербаков. — Закричать так, будто нас здесь не меньше взвода? Но он в более выгодном положении, ему всю верхнюю палубу видно. Незачем напрасно шуметь... Такие дела overshadow втихомолку. Нужен точный и продуманный ход».

Трудно сказать, над каким вариантом размышлял разведчик, когда по трапу, который вел в машинное отделение, зашаркали шаги — кто-то медленно поднимался на палубу. По-видимому, в укрытии было душно, так как немец дышал отрывисто и тяжело. На фоне предраассветного неба четко вырисовалась высокая фигура с протянутыми вперед руками. Осмотревшись, гитлеровец шмыгнул в капитанскую рубку. Здесь он беспечно развел руки в стороны, полной грудью вдохнул и сделал несколько приседаний.

Щербаков молниеносно подскочил к нему и рукояткой ножа ударил по голове. Тот вскрикнул и повалился на палубу. Щербаков быстро связал фашиста, сунул ему в рот подвернувшуюся под руку паклю.

Несколько минут разведчик сидел неподвижно. «Если бы на пароходе еще были немцы, они услышали бы крик... Да, конечно, здесь нет никого. Теперь пора. Только бы не очнулся в прохладной воде... А то еще начнет барахтаться... Ну, там будет видно. Надо торопиться — скоро рассвет».

Щербаков надел на пленного спасательный круг, привязал под мышками так, чтобы гитлеровец не захлебнулся. Потом взвалил свою добычу на плечо, перенес на нижнюю палубу и по канату спустился за борт. «Гляди, и в самом деле драгоценная ноша не тяжела, плеча не обрывает, — ликовал разведчик уже в реке. — Жаль, одежда осталась на палубе! Но это уже заботы старшины Татьянина. А мне и в трусах не стыдно докладывать начальству о ночных приключениях».

В разведроте тревожились. Всю ночь Добриченко просидел у телефона. На востоке посветлело, но ожидаемого звонка с переднего края до сих пор не было... Лейтенант четыре раза проверял исправность аппарата, справлялся на передовом наблюдательном пункте, лично расспрашивал комбатов... Никаких вестей...

Ровно в семь часов раздался звонок. Незнакомый голос картаво отрапортовал:

— Товарищ «Глаз»! Докладывает сержант Месропян из хозяйства Лукшинова. Щербаков возвращается к вам на отличном коне. Ясно?

— Спасибо тебе, дружище! — Добриченко расправил гимнастерку и выскочил из блиндажа.

СЛОВО — ЗА НАМИ!

Из-за плетня сержант Георгий Круть видел весь двор. Но интересовал артиллериста лишь тот уголок, где под старой яблоней в тени стоял квадратный самодельный стол. Над ним склонились командир дивизионной разведроты старший лейтенант Добриченко и сержант Щербаков. Циркуль ротного, словно маленький никелированный человечек, бойко шагал по развернутой карте. Изредка старший лейтенант поглядывал на Щербакова, и тогда сержант или озабоченно щурился, или отрицательно тряс лохматой цыганской шевелюрой. Этот немой разговор длился несколько минут. Наконец Добриченко спрятал циркуль в кожаный футлярчик, аккуратно сложил карту.

— На том и порешим,— едва слышно произнес он.— Надо поскорее установить «личный контакт» с вновь прибывшей дивизией гитлеровцев. Завтра же пошлем во вражеские тылы группу Спиридонова. И Сорокина подключим.— Ротный достал трофейный портсигар.— Закуривай.

— Кхе, кхе,— подал голос Круть и нерешительно открыл калитку.— Здравия желаю!

— Привет артиллерии! — ответил Добриченко и добродушно улыбнулся.— Заходи смелее, Гоша!

С наводчиком Крутем познакомился Добриченко в Сталинграде. В тот день на улице Калинина дважды раненный ефрейтор Круть подбил три вражеских танка. Ему присвоили звание младшего сержанта и назначили командиром орудийного расчета. С тех пор Добриченко питал к нему особую симпатию. Ротный узнал, что Щербаков и Круть с третьего класса учились в одной школе, сидели за одной партией. После десятилетки Круть поступил в один из московских вузов, а Щербаков два года проработал трактористом в родном колхозе, заслужил орден «Знак Почета». Потом Федора призвали в танковые войска. Повстречались друзья в Сталинграде, воевали вместе. На запад шли в одной дивизии.

— Что-то давненько ты не показывался,— сказал Щербаков и обнял Гошу.— Не зазнался ли? Слух прошел, что после форсирования стал полным кавалером Славы. Выходит, четырежды Георгий?

— Не в том дело... — возразил Круть. Ни с того ни с сего он смутился и лицо его покрылось густым румянцем.— Кхе, кхе... Разговор есть.— Он кивнул на калитку: дескать, выйди на улицу, надо потолковать с глазу на глаз.

— Говори здесь,— твердо произнес Щербаков, давая понять, что от ротного у него секретов нет и быть не может.

Старший лейтенант деликатно отошел в сторону и снова закурил.

— Ты, Федор, отлично знаешь, что артиллеристы всегда помогали разведчикам.— Круть сорвал шершавый листочек яблони и понюхал его.— А нынче я к вашему брату за подмогой пришел.

— Не откажем, честь по чести.

— В лесу за Печоногами гитлеровцы бросили целехонькие склады боеприпасов. Кхе, кхе... Несколько тысяч снарядов для семидесятипятимиллиметровых орудий. Тебе, конечно, известно это.— Круть заглянул в глаза Щербакову.— Так вот мы надумали... одолжить у фашистов пушечку такого калибра.

— Эх, сестренки-шестеренки! А украсть линкор у гросс-адмирала Деница вы еще не надумали?

— Мне нужна помощь, а не насмешки,— с укоризной молвил Круть.— Нынче на плацдарме пушка дороже золота. Ты только подумай — горы трофейных снарядов!

— Эх, сестренки-шестеренки... Чем помочь тебе? — спросил Щербаков.

— Разведчики отлично знают местность. Каждый взгорок, каждую ложбинку. Нужно пару провожатых. Остальное не ваша забота. Даже часового сам сниму, если понадобится...

— Ой ли! А не останутся твои ордена без хозяина?..

— Со смельчаком всюду хорошо, с трусом и в раю пропадешь,— несколько резковато заметил Круть.

Щербаков съежился от обиды и, повернувшись лицом к ротному, сказал:

— Товарищ старший лейтенант, вы слышите, что предлагает этот потомок Остапа Бендера?

— А что, занято! Ведь сплошного переднего края у гитлеровцев нет. Лучше всего пройти на стыках батальонов,— вслух размышлял Добриченко.— А знает ли о вашей задумке комбат Рукавишников?

— Капитан сказал: «Без разведчиков — дело гиблое. Если они подсобят, можно, пожалуй... Но помни: головой отвечаешь...»

— Хоть круть-верть, хоть верть-круть — ради этой затеи стоит рискнуть,— сказал Добриченко и, довольный своей остротой, улыбнулся.— А пушка на примете есть?

Круть оживленно стал рассказывать:

— Нацелились мы, товарищ старший лейтенант, на то орудие, что под косягором близ Олесницы. Знаете? Третий день за ним наблюдаем. Кочующее!

— Говоришь — кочующее? — переспросил Добриченко и прищурился.— Тогда победы. Соседи подумают: меняет позицию. Не так скоро хватятся... Но возможен и такой вариант: вы — в поиск, а пушечки этой и след простыл — перебралась на новую позицию. Словом, хорошенько все обдумайте, взвесьте. Изучите местность, наметьте пути подхода и отхода. И это еще не все... Нужна ночь потемнее. Молите бога, чтобы вон те тучи, — Добриченко взглянул на запад, — нас не обошли. И насчет артиллерийского прикрытия договоритесь. Действуйте! Желаю успеха!

К вечеру заморосил дождь — не дождь, а мелкая водяная пыль. В плотных сумерках сперва утонула ничейка, затем растаяли окопчики нашего боевого охранения. Стало совсем темно — в двух метрах лица не различить. Щербаков нахлобучил капюшон плащ-накидки и, не поворачивая головы, шепнул Гуле:

— Замыкающим пойдешь, Федосеич! Как бы во тьме не растерять ребят... в такую погодушку.

Добриченко приблизился к ходу сообщения.

— Смотри, Федор, не горячись. Помни, с кем идешь, и почаще остужай голову под дождиком, — посоветовал ротный и дружелюбно подтолкнул Щербакова.— Да будет число выходов равно числу возвращений!

Щербаков молча отдал честь, выбрался из траншеи и шагнул во тьму. За ним — Круть, шестеро артиллеристов и Гуля, закутанный в трофейный плащ.

Над вражеским передним краем все чаще вспыхивали ракеты. Их дрожание, мертвенно-бледные всполохи медленно гасли, и тьма постепенно сгущалась.

Дождь усиливался. По упругой накидке барабанили крупные капли. Время от времени Щербаков оглядывался, не отстает ли группа, но голова Крутя неизменно маячила вблизи.

Ползком пересекли вражеский передний край, благополучно миновали офицерский блиндаж и снова пошли в полный рост. По расчетам Щербакова, вот-вот должен показаться двугорбый куст терновника — ориентир, от которого следовало свернуть на юго-запад. Уже давненько всматривался Щербаков в темноту, а знакомого куста все не было видно. Сержант решил сориентироваться по переднему краю — справа сзади вспыхивали ракеты. Значит, разведгруппа находится немного южнее. Он сделал несколько шагов и замер.

— Halt! Wer ist da?¹ — крикнул невидимый гитлеровец.

Вслед за окриком загготала пулеметная очередь. Разноцветные пунктирные нити протянулись в стороне. Стало быть, разведчиков не

¹ Стой! Кто тут? (нем.)

обнаружили. Щербаков даже обрадовался этой очереди: пулеметное гнездо находилось метрах в ста южнее терновника. Вражеские пулеметчики пустили две ракеты, и Щербаков успел разглядеть долгожданный серебристо-пепельный куст. Когда «висячки» угасли, сержант осторожно двинулся вперед.

Разведчики пересекли ложбину, начали медленно подниматься по косогору. На фоне пасмурного неба Щербаков заметил расплывчатый силуэт часового и глянул на светящийся циферблат часов. Подождав Крутя, он шепнул на ухо артиллеристу:

— Фриц только что заступил на пост... Две минуты третьего... Надо десять минут подождать.— Щербаков достал финский нож, носовым платком вытер мокрую рукоять.— Впрочем, лучше взять живьем: «язык» не помешает.

Он снял плащ-накидку и пополз к часовому.

От нервного напряжения Крутя казалось, что дождевые капли стучат по плащу громче обычного и вообще все звуки усилились. «Почему так тяжело дышат хлопцы? — раздраженно подумал он. — Чего доброго, фриц услышит...» На самом же деле дождь почти прекратился, а бойцы лежали затаив дыхание. В руках Крутя задрожал автомат, по спине пробежал озноб: «Ох, будь она неладна, эта пушка! Но взялся за гуж...»

Между тем часовой лениво подошел к орудию, оперся спиной на ствол, задумался. Из-за щита к нему рванулась темная фигура, резко взмахнула рукой. От удара в затылок часовой покачулся и потерял сознание. Щербаков подержал отяжелевшее тело и, опустив его на дно окопа, крикнул филином.

Гуля, Круть и его товарищи бросились к орудию. Быстро освободили сошники, сноровисто выкатили пушку из окопа и стали осторожно спускать ее вниз по склону.

Связанного гитлеровца Щербаков и Гуля тащили на плащ-палатке.

В ложбине идти становилось труднее. Размокший суглинок приставал к подошвам, и легкие брезентовые сапоги казались Щербакову пудовыми водолазными «утюгами». «Семь потов хлопцы прольют,— сочувствовал он артиллеристам.— Ребята, правда, крепкие, но и железяка эта весит — дай боже!.. Все-таки хорошо, что я запер вражеский блиндаж снаружи».

Под освежающими струйками дождя фашист пришел в себя, поднял голову. «Как раз вовремя — пусть пушку помогает тянуть»,— решил Щербаков и, подбирая нужные слова, приказал:

— Jetzt schlepp die Kanone! Und schweige, wie ein Maus! ¹

Сержант перерезал веревки, взбодрил гитлеровца легким пинком ноги и велел ему поддерживать правую станину. Прислушался, осмотрелся. «Не напороться бы на чертово пулеметное гнездо, что

¹ Теперь тащи пушку! И молчи, как мышь! (нем.).

у тернового куста... Эх, сестренки-шестеренки! Переходить линию фронта с орудием — не по Садовому кольцу прогуливаться... Надо бы подменить кого-нибудь из артиллеристов,.. Нет, лучше пойду впереди. Так надежнее! Щербаков, шлепая по грязи, обогнал необычный «поезд» и дал знак свернуть влево — к стыку фашистских батальонов.

Как сориентировался он в этой кромешной тьме, трудно объяснить. Вражеские ракеты вспыхивали то справа, то слева. Со всех сторон захлебывались огнем пулеметы.

Дождь постепенно утих, из балок и ложбин наплывал плотный предрассветный туман.

Щербаков не знал и не мог знать, что на ночь гитлеровцы почему-то решили усилить охрану стыков. Сержант невольно содрогнулся, услышав окрик «Halt!»¹ там, где его меньше всего следовало ожидать — в ложбине, почти на нейтралке. Чутье разведчика подсказало правильный выход. Одну за другой метнул он в окопчик две гранаты и крикнул:

— Вперед! Скорей!

Едва успели оттащить трофейное орудие метров на восемьдесят, как по тому месту, где они только что стояли, ударили вражеские минометы. Над головами смельчаков засвистели, зажужжали, зашуршали осколки.

И сразу же на неприятельские окопы обрушился отсечный огонь нашей артиллерии.

Глаза выедал соленый пот, ноги налились чугуном, но упрямые пушкари из последних сил тянули захваченное орудие. Еще десяток метров... Еще... Еще... И вот над бруствером невидимой стрелковой ячейки замигал зеленый глазок фонарика.

— Победа! — едва слышно прохрипел пароль Щербаков.

— Полтава! — откликнулся незнакомый голос, и несколько бойцов, выскочив из ячейки, бросились помогать изможденным артиллеристам Крутя.

— Спасибо, соколики! — прозвучал слева ликующий тенорок старшины Татьянина. — Согрейтесь чаркой.

— Спасибо! Кхе, кхе... И без водки откалываем такие номера, точно заправские циркачи, — прибавил Круть и снял тяжелую плащ-палатку. — Лучше подсобите, братцы, трофей подальше в тыл переправить. А там — слово за нами!

ТОЧКА

Над городом нависла угрожающая тишина: наши отступали...

Выполнив задание командира дивизии, рядовой Олег Кравчук бежал вдоль улицы, по которой ходил в школу, гонял с ровесниками

¹ Стой! (нем.).

сначала тряпичный, потом — резиновый и, наконец, настоящий — тяжелый кожаный мяч. Заскочил в хату, возле которой росла громадная старая груша. Матери не оказалось дома. Постучался к одним соседям, к другим — никого, все эвакуировались или спрятались. Через двор бабы Савроны, обсаженный елями, напрямик пустился к больнице. В первые военные дни больницу переоборудовали под госпиталь — там как раз и работала мать.

Усадьба Савроны выходила на Славутское шоссе. Укрывшись в кустах бузины под забором, Кравчук осмотрелся. Между сосен виднелся двухэтажный красновато-оранжевый дом. На скамье у ворот сидел раненый танкист с двумя кубиками в петлицах. Из-под забинтованного лба на небо тоскливо глядели прищуренные серые глаза. А в небе, высоко и голубом, на восток медленно плыли пушистые облака... Раненый безнадежно взглянул на перебинтованную от ступни до бедра ногу и, казалось, задремал. Возле него была палка, прислоненная к забору. Видимо, он совсем ослабел, если не смог проковылять до госпиталя еще метров тридцать.

Неподалеку послышался треск немецких мотоциклистов. Кравчук притих.

Мимо больницы промчался взвод мотоциклистов. Немцы что-то выкрикивали, смеялись, пиликали на губных гармошках.

Вскоре из-за поворота выползли серые танки. На лобовом щите Кравчук увидел знакомую эмблему: лавровую ветвь. Одиннадцатая танковая дивизия!

Голодная машина остановилась напротив больницы. Откинув тяжелые люки, на мостовую прыгнули два фашиста — майор с пеликаньим зобом и статный оберст в полном обмундировании. Смеясь и насвистывая, они подошли к раненому. Оберст вынул из кармана монокль на золотой цепочке. К цепочке был прикреплен маленький крокодил. На солнце сверкнули рубиновые глазки... Оберст протер стекло, вставил монокль.

— Почему не приветствуете офицеров непобедимой немецкой армии? — щеголяя своим произношением, спросил майор на чистом русском языке.

Раненый молча показал на ногу.

— И это единственная причина? — Майор подмигнул своему начальнику.

— Нет, есть и вторая. Чтобы разговор не затягивать, отвечу без лишних вопросов. Я не считаю гитлеровский вермахт непобедимым. Сам давил под Дубном танки вашей дивизии. Как клопов!

— Встать! — заорал майор и ударил раненого сапогом в живот.

Лейтенант поднялся. И не успел фашист мигнуть глазами, как палка переломилась пополам от удара о его голову. Раненый вложил в удар много сил, он сразу же побледнел и схватился обеими руками за ограду.

Полковник рванул из кобуры браунинг.

— Стреляй, бацिला чумная! — срывающимся голосом крикнул раненый.— Этот «непобедимый» валается на земле, а ты будешь висеть в столице фатерланда на шпиле кирхи!

Раздалось два выстрела. Лейтенант вздрогнул, ноги его подкосились. Он удержался на руках, вскинул окровавленную голову.

— Запомни, гад: в центре Германии...

Цепляясь за каждую высотку, за каждый ручей, дивизия все дальше отходила на восток. Собственно говоря, это была уже не дивизия: ее подразделения поредели настолько, что вместе со всеми нестроевиками — писарями, кашеварами и ездовыми — не набралось бы даже батальона. Дивизионная разведка насчитывала одиннадцать бойцов; теперь старшина Татьянин приносил продукты в одном вещмешке.

После тридцатикилометрового перехода разведчики заняли оборону на западной окраине села Глуховцы.

Раздетый до пояса сибиряк Иван Сомов, играя на солнце бугристыми мускулами, быстро управился с окопом между кустами сирени и хотел было помочь соседу справа — младшему лейтенанту Добриченко. Но... командир взвода уже сидел на покрытом дерном бруствере и дымил козьей ножкой.

«Ишь ты! С виду щуплый, сухонький подросток, а окоп вымахал, будь здоров, да еще раньше, чем я,— искренне удивился Сомов.— Правду говорят, что на войне становится по-настоящему видно, что чего стоит». Сибиряк встал и направился к офицеру.

Неподалеку от забора, у обочины проселочной дороги, разросся сизый лопух. Под разлапистым листом его Сомов заметил измятый детский картуз, наклонился и поднял его. К измусоленному козырьку прилип вьющийся белевский волосок. «Где сейчас мальчонка? Может, окопел уже на взрытой бомбами дороге, как тот истекающий кровью мальш под Новоград-Волынском... Говорили люди, что «мессер» гонялся за ним, пока не прошел двумя очередями... А может, повезло босоногому, и теперь тот мальчуган, который потерял картуз, едет на Урал? Или в мою Иркутскую область? Вот точно такой картуз купил мне папана, когда десять лет исполнилось...»

Сибиряк тяжело опустился рядом с младшим лейтенантом и, безучастно глядя в землю, печально спросил:

— Что же это получается старшой? Снова кутузовская тактика.

— Про кутузовскую не скажу. А вот наша...— Добриченко развел руками,— ни на что не похожа...

Он хотел еще что-то прибавить, но услышал за спиной шаги и смолк.

— Товарищ младший лейтенант,— прохрипел кто-то сзади.— Выполнил задание согласно вашему приказанию...

Это был голос Кравчука. Черный, в изорванном маскировочном костюме человек ничем не напоминал аккуратного, всегда подтянутого разведчика...

— Я, рядовой Кравчук... Хочу сказать...

Младший лейтенант вскочил на ноги, помог бойцу раздеться и бережно усадил его на плащ-палатку. Незаметно он шепнул Сомову:

— Собери бойцов.

Кравчука слушали в тишине. Только слышно было, как вздыхает семнадцатилетний Сережа Фролов.

Свой рассказ Кравчук закончил словами погибшего танкиста: «Запомни, гад: в центре Германии...»

Потрясенные разведчики молчали. Тишину нарушил Добриченко.

— Встаньте все.

Сухощавой рукой он сжал черные распухшие пальцы Кравчука. Поверх легла широкая и тяжелая, как из стали, рука Сомова. На нее опустилась натруженная, с янтарными мозолями ладонь вчерашнего полтавского колхозника Гули. Справа прилепилась маленькая, почти детская ручонка добровольца Сережи Фролова. От напряжения побелела кисть Летяги с длинными, ловкими пальцами пианиста. Измазанная родным черноземом рука сумского тракториста Виталия Сербиненко. Смуглая рука кутаисского садовода Отара Имедадзе. Жилистая, рабочая — уральского слесаря Федора Чуйкова. Сорокин... Спиридонов...

Одиннадцать рук. Одиннадцать фронтовиков. И одна невысказанная, но понятная каждому мысль. Как солдатская горячая слеза.

Майской ночью в особняке пастора Фредера трое советских разведчиков только что закончили обыск. Лейтенант Кравчук извинился за беспокойство и выразил надежду, что пастор, который, безусловно, имеет влияние в округе, поможет местному населению восстановить разрушенное хозяйство и установить демократический строй.

Статный, тщательно выбритый пастор, положив руки на сердце, заверил:

— Герр лейтенант может не сомневаться в моих добрых намерениях. Церковь никогда не служила вермахту.

На озбоченном лице Кравчука мелькнула улыбка:

— Отныне, герр пастор, давайте искать не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет. Так будет лучше.

— Располагаете временем, герр лейтенант? Как первый шаг к сближению, предлагаю вместе... позавтракать... Я, признаться, проголодался. По-видимому, от испуга... Ведь мы так мало знаем русских...

Пока ночные гости мыли руки, заспанная краснощекая служанка накрыла стол, принесла бутылку вина, сосиски, тушеную капусту и вермишель.

Хозяин собственноручно разложил еду на четыре тарелки, наполнил рюмки и жестом руки пригласил гостей к столу. Кравчук сел напротив пастора, Сорокин и Грицюта — по обеим сторонам.

— За благополучие на земле! — произнес пастор и маленькими глотками отпил сухое вино.

Ел немец неторопливо, изысканно пользуясь ножом и вилок. Лейтенант искоса посмотрел на Грицюта и успокоился: разведчик орудовал обеденным ножом так, словно был по меньшей мере потомком графа.

Закусывая, пастор вел с Сорокиным светскую беседу. Ленинградец непринужденно поддерживал ее.

— Вы, конечно, знакомы с нашей страной? — спросил пастор, приятно удивленный эрудицией простого русского унтер-офицера.

— Да, я учился в аспирантуре. Темой моей диссертации должно было стать творчество Гёте...

— А от нашего Политехнического института остались одни развалины, — вздохнул пастор. — Слыжали ли вы о Цвингере?

— Кто же не знает музейного центра Дрездена, сокровищницы национальной архитектуры! Прошлой ночью я был там... Груды камней... Кстати, герр Фредер, случайно не знаете вы, где спрятана Дрезденская картинная галерея? Как вы думаете: это дело рук фашистов или ценителей искусства?

— Видит бог не знаю. Но уверен, что это к лучшему. Иначе от нее осталась бы только пепел...

Пастор заинтересовался, какое впечатление произвели его слова на остальных русских, и встретился с тяжелым, пристальным взглядом лейтенанта. Зрочки офицера то увеличивались, то суживались, словно стремились сфотографировать пастора и никак не могли отыскать фокус.

— Герр лейтенант думает, что я бестактен? — Фредер задвигался на стуле.

«Где я видел этого немца? — напрягал память Кравчук. — Все знакомо: форма лица, глаза, нос, подбородок... Может, кто-то из «языков» был на него похож?...» Кравчук вытер салфеткой губы и сказал:

— Нет, герр пастор. Важно только, чтоб после войны эти полотна служили немецкому народу.

Хозяин кивнул головой, потом спросил у Сорокина:

— Сюда вы шли вдоль речки? Может, видели развалины церкви? Это знаменитая Фрауэнкирхе...

— В самом деле? Творения Георга Бера? — переспросил его Сорокин и, глядя в потолок, сказал: — Где-то я вычитал, что более чем полтора столетия тому назад на нее поднимался девятнадцатилетний Гёте и осматривал Дрезден, переживший опустошительную Семилетнюю войну. Великий поэт и мыслитель восхвалял Георга Бера за то, что крепкий купол церкви не смогли повредить даже ядра прусских пушек.

— Совершенно верно! А в эту войну ее в пух и прах разнесли английские «ланкастеры» и американские «мустанги». Неслыханное варварство!

«Служитель церкви — и так хорошо знает типы союзных бомбардировщиков, — думал о своем Кравчук. — Где я его встречал? На Дону? Возможно, в Сталинграде... Попробуй вспомни, когда в том аду перед твоими глазами сотни фашистских морд ежедневно мелькали... Но служанка божится, что Фредер никогда не служил в войсках... Интересно, что пастору ответит Сорокин».

— Фашистские варвары, — сдержанно возразил Сорокин, — были страшнее. Союзники налетали ночью, бомбили с большой высоты. Здесь совсем немудрено было спутать военный объект с памятниками культуры. А ваши соотечественники среди белого дня, летая почти у самой земли, уничтожили Петергоф, Киево-Печерскую лавру... Не уместно ли припомнить святое писание: «Не судите и не судимы будете»?

«Молодец! Горьковатую пилюлю преподнес!» — Кравчук поднался.

— Спасибо, герр пастор, за хлеб-соль! Советское командование надеется, что вы, как духовный владыка округа, сделаете все необходимое для наибо́льшего восстановления порядка.

— Идите с богом! — Фредер важно поднял руку в знак благословения и проводил гостей на крыльцо.

Уже за воротами Кравчук оглянулся. Быстрым, характерным движением пастор вскинул моноколь. На золотистой цепочке качался миниатюрный крокодил с рубиновыми глазами...

Кравчук вздрогнул. Родной город... Раненый лейтенант у ворот госпиталя... Оберст с таким же моноклем... Два выстрела...

Видение исчезло — Фредер остался на крыльце.

— Ребята! — глухо сказал Кравчук. — Где хотите, достаньте крепкую веревку, картон или фанеру. Ты, Володя, напишешь так: «Убийца и палач советского народа». Даю десять минут...

— Что вы задумали, товарищ лейтенант? — побледнел Грицунта. — Вокруг полно фашистов... И наши придут не скоро. А главное, это полномочия трибунала.

— Молчи. Четыре года тому назад его судил самый высокий суд: «В центре Германии... На шпиле кирхи...» Аминь!

«ЛАСТОЧКА», ОТКЛИКНИСЬ!

Вот уже десятую ночь вконец измученный Добриченко просыпался за полтора часа до рассвета. Долго сидел задумавшись, потом неторопливо натягивал маскировочный костюм, пристально разглядывал сапоги. Осторожно, чтоб не разбудить солдат, на цыпочках выходил из землянки и куда-то угрюмо брел мимо ротной кухни, приютившейся возле огромного кряжистого дуба.

Каждую ночь он наблюдал одну и ту же картину. Возле кухни на ведре, перевернутом вверх дном, сиротливо, согнувшись в три погибели, дремал ротный старшина Татьяна. Перед ним высилась пирамида из трех подушек и рыжеватого полшубка. Заслышав шаги, он и теперь поднял голову, виновато замигал раскосыми монгольскими глазами.

— Опять среди глухой ночи подогреваешь ужин? — шепотом спросил Добриченко. — Все не веришь?

— Надеюсь, товарищ гвардии старший лейтенант, — Татьяна встал, поправил пилотку. — Мой прадед по матери, седой как лунь, не раз повторял, что надежда в человеке умирает последней. — Старшина положил руку на грудь. — Сердце отказывается! Вот и вы, например, какую уже ночь ходите на передний край, можно сказать, безо всякой нужды. Значит, и вам не верится, что разведгруппа Багрия... — Он умолк, боясь произнести самое страшное, самое роковое слово.

— И время и обстоятельства, при которых затерялись последние следы, многие километры до линии фронта... Обидно погибать в конце войны, когда до последнего выстрела осталось совсем немного, — произнес глухим голосом Добриченко. — Наши радисты три раза в сутки умоляют эфир: «Ласточка», откликнись!» А я, сам видишь, выхожу встречать...

— Это хорошо! — Татьяна порывлся в полевой сумке и протянул командиру плитку шоколада. — Возьмите... Подкрепитесь... Прошу вас!

Добриченко растрогало такое простодушие.

— Садись, дружище, — сказал ротный.

— Я вот что думаю, товарищ гвардии старший лейтенант... Ведь в этого Ивана Багрия сам черт пестиком в ступке не попадет! Он тебе и танкист, и артиллерист, и разведчик классный.

— Не таких война забирала, — печально заметил Добриченко. — А Иван слишком горячий.

— Зато его другу Грицоте осторожности не занимать! Остановит, если что не так... К тому же бесшумный, точно кобра. — Татьяна посмотрел на хмурое небо. — Две недели стоят ночи темные, мглистые... Ну что могло с ними случиться?..

— В тылу врага, на территории рейха — всюду опасность подстерегает разведчика.

— Конечно,— вздохнул Татьяна.— Нынче особенно надо остерегаться. Не ходили бы вы почем зря в окопчики боевого охранения!

— Легче мне там... Все время кажется: сейчас придут.— Добриченко встал и, отбросив капюшон, направился к переднему краю.

В сумерках сосны зашумели тревожнее. Сержант Багрий, уроженец Полесья, и в самую темную ночь хорошо ориентировался в лесистой местности. Но сейчас уступил свое место Валентину Грицоте — подвижному синеглазому солдату с Винничины, который, как бы сейчас выразился остроумный Татьяна, «один на советско-германском фронте может услышать, как храпят часовые у самого дворца английской королевы».

Теперь Багрий шел вслед за встревоженным Горяевым и всегда спокойным Яремчуком. Сержанта одолевали грустные и едкие, как щелочь, мысли. Упрямая память то и дело возвращала его к событиям последних дней. Ему, ответственному за важное задание, за жизнь разведчиков, тяжелее всего было вспоминать о своем досадном промахе. Этого не простят ни командир разведроты старший лейтенант Добриченко, ни начальник дивизионной разведки майор Воронов. А что касается собственной совести,— до конца дней своих теперь не оправдаешься.

Как мог попасть в такой переплет он, опытный разведчик? Разве он не выстрадал, не пережил кровавые бураны Подмосковья, пожара Сталинграда, курское грозное лето? Зазнался, недооценил врага, решил, что нынче — море по колено... Поэтому и произошло непоправимое...

Разведчики собрали ценные сведения о резервах врага, но им позарез был необходим контрольный «язык». Долго не попадался подходящий фриц. Тогда Багрий имел неосмотрительность напасть на небольшую колонну — пехотная рота направлялась на фронт. Уничтожили почти всех гитлеровцев, захватили нужного «языка», но наделали много шума. Радист Горяев знал, что питание для рации на исходе, и вечером решил установить связь со штабом дивизии. Майора Воронова вызвать так и не смог но в стоголосом эфире он услышал приказ какого-то Шенвальда. Начальственный бас распорядился устроить посты на переднем крае, выставить «секреты», организовать засады, прочесать прифронтовой лес, а по следам русских разведчиков пустить овчарок...

«Действовали фрицы очень уверенно,— вздохнул Багрий.— Так, словно засекали наши координаты... Как это им удалось?» — терялся в догадках сержант.

Начинал войну Иван Багрий механиком-водителем на устаревшем танке «БТ-7». Дважды горел, был ранен, попал в госпиталь. Там

познакомился с дивизионным разведчиком Федором Щербаковым, который к тому времени уже передвигался на костылях, отполированных тысячами рук. Бойцы подружились и после выздоровления вместе вернулись на фронт. Два года прослужил Багрий в разведке, много пришлось пережить, стал опытным разведчиком и все-таки не мог додуматься, каким образом выдала себя группа. А разгадка оказалась простой...

Когда в последний раз радист посылал позывные штабу дивизии, неподалеку от разведчиков вели практические занятия немецкие радиопеленгаторы. Совершенно случайно они засекали незнакомую радиацию и доложили своему начальству. Раздались сигналы зондертревоги. Всем фронтовым радиостанциям был передан приказ генерала Шенвальда.

Хорошо, что на автостраде разведчикам подвернулись два грузовых «опеля» с узниками Заганского концлагеря. Группа, преследуемая фашистами, уничтожила охрану, трупы конвоиров спрятала под мостом: всплывут не раньше чем через неделю... Разведчики переоделись в немецкую форму и на захваченных машинах двинулись не к переднему краю, а в глубь Германии, к Шпрее. «Это было правильное решение, — подумал Багрий. — Самая мудрая голова в гестапо не поймет, куда мы исчезли... Верно сделали, что узников вооружили трофейными автоматами и отпустили: с оружием всегда надежнее. — Багрий сорвал листочек земляники, пожевал и выплюнул. — В той чащобе фашисты не скоро найдут машины. Да и лодка, на которой мы переправлялись через Шпрее, замаскирована неплохо. А дальше что? Надо продержаться здесь до подхода наших — вот-вот начнется большое наступление! А если отложат? Тогда несладко будет... — Багрий тряхнул головой, словно отгонял назойливые мысли. — Настало время сделать привал. Заночуем здесь, в этих дебрях».

Он остановил группу, назначил часового, сообщил порядок смен, остальным разрешил отдыхать.

Апрельские ночи на Шпрее мглысты. Особенно в начале месяца. Притаились, замерли в тревожной темени немецкие города и села. Через три с половиной года вернулась война туда, откуда пришла...

Летчик головного бомбардировщика посмотрел вниз — ночь, густая и темная, точно мазут. Как удастся флагманскому штурману ориентироваться в бесконечном мраке ночи — только ему одному известно... Вот он устало вскидывает голову и докладывает командиру полка подполковнику Сильвестрову: «Мы над вражеским объектом».

Тяжелые машины развернулись вправо, и первая эскадрилья нырнула вниз.

В лесу раздался оглушительный взрыв, вспыхнуло пламя. Казалось, разверзлись кратеры двух вулканов. Мощная взрывная

волна покачнула бомбардировщик, и он начал набирать высоту. А навстречу ему со стонущим ревом неслась к земле вторая эскадрилья. После ее бомбового удара в лесу взорвалось, по-видимому, бомбохранилище: на несколько километров вокруг разбушевалось пламя. Лавина огня поглотила все на своем пути: безнадежно метавшиеся фигуры фашистов, автоцистерны, самоходки, танки.

В полночь Яремчук, охранявший сон товарищей, услышал далекий гул бомбардировщиков. По звуку определил: самолеты наши. «На Берлин идут!» — подумал он и не стал будить разведчиков. Проснулись они от надрывного рева моторов. Когда раздались первые взрывы, Багрий повел разведчиков как можно дальше от опасного места. Путь им освещали кроваво-красные отблески. Где-то сзади горели сухие прошлогодние листья, жухлая хвоя, подлесок, иссеченный осколками бомб, вековые деревья — все это ярко освещало грохотавшее небо...

Огонь преследовал разведчиков — спины все сильнее жгло. Багрий выскочил на просеку и оцепенел: в нескольких метрах трое чумазых фрицев закрепляли на «тигре» ребристую бочку с горючим, четвертый — командир экипажа — второпях застегивал комбинезон. Короткой автоматной очередью Багрий уложил всех четверых, обшарил их карманы, забрал документы. «А этот «королевский тигр» еще послужит нам! — оживился бывший танкист. — Теперь и лесному пожару не угнаться за нами».

— Быстрее в танк! — крикнул он товарищам. — Грицюта, давай в командирский люк!

Разведчики моментально поняли задумку своего командира. Сержант помог Яремчику взобраться на башню, посадил Горяева, а сам занял место водителя.

«Первое дело — прогреть мотор, — лихорадочно припоминал Багрий. — Надо выключить муфту сцепления — главный фрикцион, который предохраняет от повреждений коробку передач с валами и шестернями». Он изо всех сил нажал на педаль, затем плавно включил передачу, сделал все необходимое, увеличил количество оборотов. Танк вздрогнул, заскрежетали гусеницы. Набрав скорость, приземистая машина помчалась вдоль просеки навстречу туманному рассвету. Что ждет впереди четверых смельчаков?.. Не станет ли это утро для них последним?..

Из-под морщинистого, восково-серого лба на оберст-лейтенанта¹ Фортинга в упор смотрели прищуренные холодные глазки, и взгляд этот не предвещал ничего хорошего. Генерал Венк раздраженно

¹ Подполковник (нем.).

постукивал красным карандашом по блокноту с золотым факсимиле и раздельно, по слогам спросил:

— Не кажется ли вам, Фортинг, что нации, имеющей такую ничтожную контрразведку, угрожает неминуемая гибель?

Услышав последние слова, начальник контрразведки армии сжегился:

— Герр генерал, я не совсем понимаю вас. Э-э... На ноги поставлена не только контрразведка. Предупреждены ближайшие гарнизоны, пункты формирования воинских частей, ремонтные мастерские... Э-э... Даже гестапо... Э-э... Этот распроклятый танк, будто призрак, возникает везде. И, как призрак, исчезает...

Венк презрительно улынулся. Это вряд ли заметил бы даже очень внимательный физиономист. Постукивая карандашом по топографической карте, генерал продолжал:

— Возможно, мы имеем дело с черной магией?! Отбросьте, Фортинг всякие глупости и расскажите мне все, до мельчайших подробностей. Вы понимаете, о чем идет речь?

— Вы, герр генерал, знаете, что на аэродроме недалеко от Шендорфа базировалась бомбардировочная дивизия «Адлершвинген». Одни эскадрильи подымались в воздух, другие, возвратившись с заданий, шли на посадку. Конечно, над лесным полем всегда висел непрерывный гул. Э-э... Поэтому и охрана, и летчики, и обслуживающий персонал не сразу поняли, что происходит... «Королевский тигр» без номера и эмблемы на полной скорости врезался в помещение охраны... Э-э... Потолок и весь второй этаж рухнули на его башню. Но машина стряхнула с себя груды битого кирпича и обломки стропил и, развернувшись на одной гусенице, понеслась на «юнкеры», замаскированные сетками. Стреляя на ходу, танк-пират давил бомбардировщики так, словно они были... Э-э... из фанеры. Из дальних землянок повскакивали летчики и авиатехники, побежали к самолетам... Э-э... «Королевский тигр» преградил им дорогу, полоснул из пулемета... И снова начал все кромсать, давить, перемалывать широченными траками. От двадцати семи «юнкеров» остались одни воспоминания... Несколькими снарядами диверсанты подожгли ангар, автоцистерны, станцию наведения. Э-э... И скрылись в лесу... Мне рассказал об этом по телефону начальник штаба авиадивизии оберст-лейтенант Хюго Лаутер. Я немедленно выехал в Шендорф и произвел расследование, допросил свидетелей, все сфотографировал.

— Куда вели следы гусениц?

— К автостраде! А на бетоне, герр генерал, невозможно что-либо разобрать... За это время по автостраде проехало около сотни танков...

— Такого конфуза не случалось за всю войну! — выкрикнул Венк. — Понимаете, Фортинг? Это же танк, а не букашка! Огромная машина беспрепятственно разгуливает по нашим тылам, уничтожает, давит... А вы ничего не можете сделать!

— Диверсантов ищут повсюду. Слово чести, герр генерал, они будут пойманы и за все понесут кару.

— Вы так говорили неделю тому назад! — напомнил генерал.— А за это время список происшествий пополнился. Обстоятельства гибели генерала Бризольта выяснены?

— Яволь, герр генерал. Смертельно раненный в грудь лейтенант Фосс, личный адъютант генерала Бризольта, успел сообщить некоторые подробности. Бризольт очень торопился в штаб резервной армии. На шоссе между Горненхайном и Торнау генеральскому «хорьху» повстречался танк. Тип — «королевский тигр». Машина была вся поцарапанная, грязная. Генерал Бризольт попросил своего шофера остановиться, а лейтенанту Фоссу приказал проверить документы танкистов. Это была роковая ошибка... Э-э... Танк превратил генеральскую машину в лепешку... Фосс успел отскочить в сторону... Тогда звякнула крышка люка, и человек в немецкой форме двумя выстрелами из парабеллума смертельно ранил храброго лейтенанта. Очевидно, бандиты решили, что Фосс убит наповал. А он, едва приоткрыв глаза, видел, как танкист забрал документы у генерала Бризольта, у шофера и у него. Затем танк скрылся.

— Чепуха! — гневно крикнул генерал Венк.— Сами подумайте. Как мог танк-диверсант двигаться к Шпрее, когда ровно через час после расправы с генералом Бризольтым этот же танк сделал кровавое месиво из пехотной колонны! И знаете где? За восемьдесят километров от Горненхайна. Скорость «королевских тигров», как вам известно, вдвое меньше. Передавить целый батальон! Понимаете, целый батальон! Поговаривают, правда, что это шли новоиспеченные «фольксштурмовцы». Но у них были гранаты, даже фаустпатроны. Доннерветтер! — Венк стукнул кулаком по столу так, что подскочил мраморный бюст фюрера.— А вы говорите о своей оперативности, о своем рвении. Как вы думаете, кто эти бандиты?

— Беглецы... Э-э... Из концлагеря для военнопленных.

— Где они раздобыли танк? Куда подевался его экипаж?

— Не установлено. Командиры танковых соединений в один голос утверждают, что все боевые машины, все люди в наличии.

— Врут! — Разгневанный Венк остановился возле стола.— Необходимы самые решительные меры, Фортинг! Завтра же в полдень либо вы доложите мне, что экипаж «королевского тигра» захвачен, либо я сорву... сначала ваши погоны. Берегите голову! Хайль!

— Зиг хайль! — громче обычного выкрикнул Фортинг.

На развилке дорог, в тридцати двух километрах от Загана, где молодой сосняк разделяет лес пополам, неторопливо расхаживал ефрейтор-регулирующий в форме танкиста. С наступлением сумерек походка его становилась все более нервной. Он то и дело оборачивался,

смотрел по сторонам. Возможно, семнадцатилетний Гельмут Фрише попросту боялся темноты: вчерашнему школьнику нелегко привыкать к фронтальной обстановке. А с тех пор, как русские подошли к речке Нейсе, фронт был повсюду. Возможно, Гельмут беспокоился из-за того, что третий батальон 14-го танкового полка где-то задержался на марше и до сих пор не прибыл на новое место. Ведь первый и второй батальоны свернули на просеку еще засветло, полтора часа тому назад. Наверное, танкисты этих подразделений уже поужинали и спят после изнурительного форсированного марша. А он, Гельмут, вынужден торчать здесь, голодный и уставший...

Регулировщик пересек шоссе, прислушался. Издалека донесся ритмичный гул. Наконец-то!

Пораженный внушительным видом «королевских тигров», ефрейтор забыл их пересчитать. Через полчаса, когда на развилке мигнули синие подфарники последнего бензовоза, Фрише вскочил на подножку и упрекнул себя за то, что не пересчитал машины третьего батальона. «А впрочем, куда они денутся?»

Фрише не заметил, что в лес свернуло не шестнадцать танков, а семнадцать. «Лишняя» машина, покрытая пылью, за двести метров от шоссе нырнула в густой орешник и растворилась во мраке.

Ночью налетел ветер — сильный, порывистый. Шумели, покачиваясь, кроны деревьев, трещали сухие ветки, стонали мачтовые стволы.

А в темноте неслышно сновали какие-то тени. Тьма сглаживала контуры, и даже зоркому глазу трудно было разглядеть, что у них в руках: канистры с горючим, ранец с продуктами или стандартные ящики с боекомплектком...

К часовому предательски подкрадывался все сильный предутренний сон, и солдат уже никого и ничего не видел...

Утром шестнадцать танков третьего батальона двинулись по шоссе, ведущему в Эльнау.

Спустя полчаса из орешника осторожно выползла семнадцатая машина и тоже устремилась на восток.

Еще задолго до рассвета отгремела мощная артиллерийская подготовка; и в наступлении перешел весь правый фланг фронта. Стрелковые роты почти без потерь очистили первую и вторую траншеи фашистской обороны. Окрыленные успехом, бойцы двинулись на Мускау.

Настало время вводить в прорыв танковые соединения. Старший лейтенант Добриченко и его ординарец Баймуратов ожидали танкистов возле переправы, наведенной за ночь саперами. Баймуратов сидел на толстом чурбане и что-то напевал по-туркменски. Добриченко прохаживался вдоль берега и неторопливо посматривал на часы.

Зарделся рассвет. На горизонте появилась тоненькая бледно-желтая полоска. Над ней кто-то невидимый щедро рассыпал червонное

золото и сразу включил тысячи прожекторов. И вот уже из-за леса радостно выкатилось, засияло апрельское солнце.

Мимо Добриченко к настилу пронесся головной танк полковника Шамякина, за ним — новые, недавно выкрашенные «тридцатьчетверки». Предпоследняя машина затормозила у переправы. Из люка высунулся молодой лейтенант в изношенном кожаном шлемофоне.

— Привет разведчикам! Садитесь, поближе подброшу!..

Добриченко и Баймуратова словно ветром вынесло на броню.

— Спасибо, братцы! — Старший лейтенант поудобнее устроился на мешке с ватными штанами. — Высадите нас на юго-восточной окраине Мускау.

Но в тот день они до города так и не добрались. Гитлеровское командование, стремясь во что бы то ни стало задержать советские войска на подступах к Берлину, срочно переформировало танковую дивизию «Охрана фюрера» и ввело ее в бой.

Добриченко видел, как из-за леса, огибая подковой Мускау, выползало пятьдесят восемь «королевских тигров». Машины, желтые от огнестойкого платинированного асбеста, миновали рошу за Лансдорфом и развернулись навстречу танкам Шамякина.

Ввязываться во встречный танковый бой не входило в планы разведчиков. Поэтому Добриченко и Баймуратов прыгнули на землю. Петля между кустами терновника, они взобрались на довольно большой холм. Сначала разведчикам послышалось, будто кто-то необычайно могучий катит по железной поверхности тяжелое чугунное ядро. Спустя некоторое время сплошной гул заполнил все вокруг.

Стреляя на ходу, танки сближались. Время от времени из орудийных стволов вырывались сизые дымки.

«Тридцатьчетверки» и «королевские тигры» сошлись на ровном поле. Звонкий удар стали на мгновение заглушил сплошной грохот. Все перемешалось, сплелось в смертельном единоборстве.

Танк Шамякина выпустил два снаряда в головную машину врага. «Королевский тигр» вспыхнул. Из него выскочили трое танкистов. На них горели комбинезоны. Гитлеровцы сбросили их с себя, а когда загорелось белье, сорвали и его. Пламя перекинулось на тело...

Горбатая машина с черным крестом на башне понеслась на танкистов, и еще живые «факелы» исчезли под траками. «Волки волков жрут!» — подумал Добриченко, потрясенный такой жестокостью.

В клубах дыма, огня, пыли стальные исполины прошивали друг друга бронебойными снарядами. Можно было задохнуться от смрада обгорелой краски и обугленного асбеста, запах которого распространялся на полтора километра от ужасного побоища.

Грохочущее, пылающее месиво постепенно откатывалось на запад — шамякинцы теснили врага с двух флангов.

Добриченко бросил мимолетный взгляд на восточную опушку лансдорфской рощи, вскинул бинокль. Там, за частоколом деревьев, притаился «королевский тигр». «Почему эта машина не участвует в бою? — удивился Добриченко. — Если танк вышел из строя, то почему его не ремонтируют? Вернее всего — засада. И, возможно, из нескольких танков. Видит ли их Шамякин?»

Когда «королевские тигры» отступили на окраину Лансдорфа, танк покинул свое убежище и врезался в гущу боя. Несколькими выстрелами он поджег два фашистских танка, третьему перебил гусеницу.

На какой-то миг появление загадочного танка, по-видимому, сбило с толку обе стороны. А странный танк, задрав башенную пушку, словно хобот, подмял корму четвертого «королевского тигра» и помчался навстречу нашей пехоте.

На башне откинулась крышка. Из люка показался солдат в немецкой форме и замахал куском красного одеяла.

Отовсюду к танку бежали автоматчики, бронебойщики и даже какой-то любопытный связист с катушкой кабеля на плече. Помчался туда и Добриченко, придерживая рукой планшетку. «В плен с красным флагом не сдаются... Значит, это не гитлеровцы... А кто? Заключенные из фашистских лагерей смерти — бывшие танкисты? Борцы немецкого сопротивления? Ох, батенька ты мой! Досталось же на орехи этой машине, — Добриченко еще издали заметил трещину в лобовом листе, а затем вмятину в передней стенке башни. Из левой боковой стенки выбит треугольный кусок брони. На задымленном стволе облезла краска. Подфарники разбиты. Траки полустерты...

Водитель, черный, как антрацит, снял комбинезон, вытер с лица грязный пот, и только теперь Добриченко узнал... Багрия. Оба не могли произнести ни слова. Ротный долго обнимал сержанта, потом оттолкнул его и, не веря собственным глазам, еще раз осмотрел:

— Неужели это вы?! Как же... Что произошло?

— Промашку допустил я, товарищ гвардии старший лейтенант. — Багрий скорбно понурил голову. — Что было, то было... Макарова похоронили во вражеском тылу... Ножами могилу копали... Но не поддались, решили, значит, с музыкой... Всякое бывало — и фокстроты и шопеновские марши. И все-таки возвратились...

— И тоже с музыкой. — Добриченко посмотрел на поле боя, туда, где дымилась фашистские танки.

НАДПИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

Вероятно, за всю войну никто не видал полковника медицинской службы Отара Гигладзе таким разъяренным. Пожалуй, за все годы самостоятельной работы опытный хирург не перенервничал так, как

за эти полчаса. Подумать только: выздоравливающие разведчики Щербаков и Сомов пришли сегодня уже в третий раз!..

Начальника госпиталя раздражало все: и их настырность, и то, что они не спорили с ним, а тихо и мирно разговаривали, как люди, глубоко убежденные в своей правоте; и то, что эти фронтовики видели в нем только бездушного бюрократа...

Но всему рано или поздно наступает конец. Гигладзе присел на краешек белого табурета. Он уже переволновался, как говорят, перегорел, взял себя в руки. И лишь черная шевелюра еще торчала вверх, словно два грачиных крыла перед взлетом птицы. «Щербаков абсолютно здоров, пускай себе едет на фронт сам... А Сомова не выпущу до полного излечения, не имею права!»

— Разрешите обратиться, товарищ полковник. — После умышленно продолжительной паузы Щербаков снял облинялую, выдавшую виды пилотку и сказал: — Хоть мы и надоели вам до сотых печенок но вы... Эх, сестренки-шестеренки! Вы еще не все знаете о Сомове.

Гигладзе хитровато прищурился, глаза-угольки скрылись под густыми ресницами:

— Хочешь сказать, что он награжден орденом Ленина?

— Угадали.

— Для меня, дорогой, это не новость. Узнал об этом еще месяц тому назад. Спросишь, откуда? Когда твоего друга прямо с переднего края привезли в госпиталь, он двое суток в беспмятстве маялся. Пришлось посидеть у его койки... Но не об этом речь: Однажды в бреду Сомов рассказывал какой-то Марии — позже я узнал, что так зовут его невесту, — о листовке-«молнии», за что и чем его наградили... Это во-первых. А во-вторых. — Гигладзе подошел к белому столику и вынул из ящика полдесятка конвертов, — это письма от вашего начальника разведки и командира разведроты. Тут о вас обоих сказано... Просили лечить получше.

— Тем более! Уважьте хоть эти письма... Дивизия наша уже на подступах к Берлину. Не сегодня-завтра начнется форсирование Шпрее... Что подумает о нас лейтенант Добриченко? В такую минуту не подоспели... Эх, сестренки-шестеренки! Поймите по-человечески, по-дружески: нельзя Ивану опоздать!

— Слушай, дорогой! А почему это за него ты все время говоришь? Не признаем адвокатов. — Гигладзе искоса взглянул на Сомова и невольно залюбовался его мужественным, но еще бледным лицом. — Ты что, Сомов, во время охоты на «языков» и своего лишился?

Сибиряк смущенно развел руками:

— Самому за себя просить негоже. А Щербакову...

— И Щербакову не следует. Пойми, дорогой! Как же я могу выписать тебя из госпиталя, если правая, можно сказать, главная рука еще не в норме? Да и в легких слышны хрипы. Не порядок...

— Легкие на чистом воздухе быстрее окрепнут, а стрелять он умеет левой, — заметил Щербаков. — Кроме того, в нашем деле самое главное не руки...

— А что? — удивился Гигладзе.

— Голова, товарищ полковник. Так точно. Эх, сестренки-шестеренки! Вот позвольте, я расскажу.

— Ладно уж, давай, — невольно согласился начальник госпиталя. — Только учти. Есть один такой грузинский писатель. Большой, можно сказать, живой классик. Пишет толстые-претолстые романы. Такие толстые, что хирургам читать не под силу — некогда. Так вот, дорогой, не будь похож на него. В двух словах давай!

— Я совсем кратко, товарищ полковник. Представьте себе такой рельеф: равнина без единого дерева, лишь кое-где торчит общипанный кустик. Словом, и ничейная полоса и вражеский передний край голые, как лысина вашего начфина. А для разведчика хуже нет, чем действовать на безлесной местности! Хотя скач, хоть плачь!

— Все понимаю, дорогой! — Гигладзе нетерпеливо заерзал на табурете. — Давай покороче. Дел много...

— Эх, сестренки-шестеренки! — горестно воскликнул Щербаков. Он печально склонил голову, волнистая смоляная прядь сползла на лоб. — Три ночи подряд пытались наши ребята взять «языка». И все время осечка. Уж на что осторожный и рассудительный сержант Гуля, но и его разведгруппа с пустыми руками вернулась... Командир дивизии сам был разведчиком в империалистическую войну — знает, почем фунт лиха, молчит. Ну, а начальник штаба ходит грозовой тучей. На четвертую ночь повел разведчиков лейтенант Кравцов. Прижали их к земле пулеметным огнем, потом и минометы подключились... Кравцов приполз назад с окровавленной головой, сержанту Сербенко осколками перебило предплечье.

— Совсем бедные ребята. — Гигладзе прицелкнул языком и достал портсигар. — Закури, дорогой.

— Спасибо, товарищ полковник. — Щербаков размял папиросу, прикурил. — Значит, пытаемся мы понять, в чем тут дело. Почему фрицы каждую ночь настороже? Кто их так напугал? Отчасти мы, разведчики, издергали их непрерывными ночными наскоками... Но главной причиной оказалось не это. Как-то под вечер наш радист Горяев, подремонтировав рацию, решил проверить качество своей работы. Послушал эфир и в аккурат поймал немецкую волну. Надо сказать, что бывший ленинградский аспирант Владимир Сорокин знает немецкий как бог. Даже наречия разные освоил... Ну там баварское, берлинское, саксонское. Послушал он малость и перевел для нас. Выяснилось, что гитлеровцы вторую неделю ждут инспектора генерального штаба, в ночное время он будет что-то проверять. Вот в чем закавыка! Тогда-то Сомову пришла в голову интересная задумка. «Если, — говорит, — фрицы по ночам бодрствуют, значит,

днем неминуемо должны отдыхать. Во всяком случае, с восходом солнца их бдительность притупляется. Стало быть, «языка» надо бить в промежутке между завтраком и обедом».

— Днем?! — удивленно переспросил Гигладзе.

— Так точно! — подтвердил Щербаков. — Тогда командир развед роты лейтенант Добриченко в знак согласия кивнул головой и спросил, как это осуществить на такой местности. Подумал-подумал Сомов да и отвечает: «Все мы видели, что на нейтралке уйма сухой травы и желто-серых клубков перекасти-поля... Восточный ветер гонит перекасти-поле в сторону противника. Вот я и прикидываю: если прикрепить это растение к капюшону и приладить на спине, как следует подмаскироваться, — можно, конечно, с черепашной скоростью, среди бела дня незаметно подкрасться к вражескому боевому охранению». Честно говоря, нашему ротному эта идея понравилась. Правда, трое разведчиков во главе с Сомовым целый день до черного пота тренировались. А назавтра выбрали, конечно, наиболее удобное время и ползком — айда в «гости» к фашистам!

— Вах, молодцы! — Гигладзе вскочил, глаза-угольки вспыхнули. — А что было дальше? Пожалуйста, рассказывай, дорогой!

— Наблюдая за движением кустов перекасти-поля, мы, конечно, здорово переживали... Малейшая оплошность, едва заметная фальшивка — и поминай как звали... Стопроцентный каюк! Но ребята оказались на высоте. Скрытно приблизились к окопчику вражеского боевого охранения. А на дне — двое grenадеров храпят. Словно в контрабас дуют по очереди... Ребята, конечно, не растерялись. Налетели, заклапили добычу, малость припугнули — и в обратный путь. А в это время наши пушкарки отсечным ударили — стена пламени выросла за спинами смельчаков. Чин чином! И фрицы, скажу вам, разговорчивые попались. Ценные сведения сообщили... Потому наш главный принцип таков: перво-наперво разведчику нужна светлая голова! Ведь с нее-то все и начинается.

— О голове, дорогой, не спорю, — улыбнулся Гигладзе. — Но ведь у твоего друга правая рука еще не того... А во вражеских траншеях всякое может случиться...

— Что вы, товарищ полковник! Да у Ивана раненая рука и сейчас уже посильнее здоровой. Не верите? Эх, сестренки-шестеренки! Да если на то пошло, он у вас на глазах ребром правой ладони заколотит гвоздь! Натуральный, восьмисантиметровый. По самую шляпку!

— Слушай, дорогой! — Гигладзе повысил голос. — Здесь военный госпиталь, а не цирк «шапито»! Обойдемся! А то меня от ваших трюков инфаркт свалит, — ворчал он уже совсем добродушно. — Ладно уж, напишу справку сам, а то лечащий врач заартачится. Так... Звание... Характер ранения... Заключение: две недели отпуска... Подпись. — Гигладзе размашисто закрутил вензель, поставил печать и взглянул на Щербакова. — Откуда родом, дипломат?

— Из Воронежской области, из Шубного. Может, слышали? До войны трактористом был, земельку пахал... Какой у нас чернозем! Когда односельчане отаву косят, пахнет и татар-зельем, и невестульками, и клевером... Вдыхаешь, пьешь аромат, а всласть все равно никогда не надышишься... Мечта! Как только возьмем логово Гитлера, приезжайте к нам в гости, товарищ полковник!

— Приеду, дорогой. Парни вы настоящие... Живы останемся, к обоим приеду. А пока что доложи командиру, что тебе двухнедельный отпуск надлежит. Но в связи, так сказать, с ситуацией, разрешаю... разрешаю Шпрее и взять Берлин. В добрый час!

За Моабитом еще стреляли, а у Бранденбургских ворот было тихо. На крыше рейхстага полыхало красное знамя.

Два разведчика в измятых маскировочных костюмах обошли вокруг мрачного здания и остановились у западного портала. Щербаков молча достал финский нож и принялся ковырять стену. Буква за буквой появилась надпись: «Сомов, Щербаков и полковник...»

«Какой полковник?» — недоумевал сибиряк.

Но когда его друг аккуратно вывел фамилию Гигладзе, Сомов, копируя начальника госпиталя, счастливо крикнул:

— Правильно, дорогой! Молодец, дорогой!

И от мощных объятий захрустели солдатские косточки.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Крепко запомнилось...	3
Грозны наши «катюши»!	7
Не горбом	11
В метель	17
Крутой поворот	22
Вдогонку	29
С тремя неизвестными	34
Слово — за нами!	41
Точка	45
«Ласточка», откликнись!	51
Надпись на рейхстаге	59

Александр Владимирович Ковальчук

С Т Р Е М Я Н Е И З В Е С Т Н Ы М И

Редактор Е. Ф. Олейник.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 17.04.81. Подписано к печати 17.06.81. А 00395. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,14. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1508. Зак. № 577. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ГОРИЗОНТ

«Горизонт-728»

За окном снег, а на экране цветного телевизора — яркое солнце, синее небо, все краски лета.

Хорошим качеством цветопередачи отличается цветной телевизор «ГОРИЗОНТ-728».

В модели использован модернизированный блок выбора программ — сенсорный. Эффективная система автоматических регулировок обеспечивает отличное качество изображения на экране 61 см по диагонали.

Цена телевизора — 720 руб.

ЦКРО «Орбита»